

В. ВАСИЛЕВСКАЯ

Л
+
Б

В КАПКАНЕ
МУРЗЛИНГЕРА

Валерия Василевская

Л+Б. В капкане Мурзлилингера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72260506

SelfPub; 2026

Аннотация

Янг эдалт – для подростков и взрослых! Предлагаю новую книжку про будущих космонавтов Борьку и Лизавету! Фантастика, попаданцы в неведомые миры, с волшебной приправой фэнтези, с юношеской романтикой и чуточку со страшилками.

Путешествие по Вселенной – это, конечно, здорово, если вокруг миры с дружелюбными гуманоидами. А если вдруг звездолет сам влетает в замаскированную дьявольскую ловушку? Но Буланов Боря – не промах, никогда нигде не теряется. Даже если его сознание невероятным образом попадет в чужие тела пернатых или хвостатых. Даже если приходится драться с беспощадным врагом, наносящим удары за километры.

И пускай пацан постоянно попадает в капканы, в смертельно опасные ситуации, отвага и изобретательность выручают в любых передрыгах и помогут спасти из плена одноклассницу Лизу Арсеньеву.

Потому что самое главное на незнакомой планете – обрести хороших друзей. А все вместе мы: маракаски, земляне, крылатые сфинксы – энергичная сила! Направленная к победе!

Содержание

Глава 1	6
Кто поставил в Мозгютер ходилку?	6
Чужеродный безжалостный разум	21
Вставай, Бро, не то мы засохнем!	32
Глава 2	41
– Очухались, ребятишки? Шевелитесь!	41
Прыгайте в лодку!	
Очень просто и гениально	55
Этот день проживаю не зря!	65
Я влип по самые уши. Какую казнь мне придумают?	78
Ты не один, мужайся!	85
Охота на молоко	94
Простецкого выживания не бывает	104
Вставайте! Злинги на острове!	120
Глава 3	125
Я – девушка с нежным лицом и голубоватой кожей	125
Чваки! Где чертовы чваки?	147
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Валерия Василевская

Л+Б. В капкане

Мурзлингера

Дорогие мои читатели!

Приглашаю вас всех ВКонтакте!

Для взрослых я расскажу о триллерах, детективах, эзотерике и фантастике, нажимайте на <https://vk.com/id855725404>.

А в сообществе «Фантастика янг эдалт – для взрослых и подростков»

<https://vk.com/club227650563>

про истории о приключения будущих космонавтов Борьки и Лизаветы.

Вас ждут комиксы, видео, юмор, фрагменты новых историй, которые только пишутся, которые до сих пор не поставлены на Литресе.

И еще, обратите внимание: многие книги можно не только читать с экрана, но и слушать в исполнении Артема Остренкова и других замечательных чтецов.

Буду рада общаться с каждым! Жду ваших мнений и отзывов!

Валерия Василевская

*Это рассказ о странниках,
затерянных в звездном сумраке,
на непостижимой планете,
в ожидании непредсказуемого...*

Глава 1

Кто поставил в Мозгютер ходилку?

– Всем понятно? – Елена Сергеевна обвела компанию синим, затаенно-улыбчивым взглядом.

– Ну еще бы! От зуба отскакивает! – зазвенели со всех сторон веселые голоса.

«Супермен» на сверхсветовой прорезал пространство галактики, а маленький экипаж изучал опасных зверюшек коварной планеты Бьянки.

– В таком случае, переходим к практическому заданию.

Профессор щелкнула пультом, на экране учебной комнаты от пола до потолка появились дома и техника поселения первопроходцев. Потрясающе! Люди ходили по чужой планете без скафов, вдыхали чистейший воздух, улыбались слепящему солнышку! Потому что под куполом. Стоит высунуть нос наружу...

Ага, верхогляд в футболке и спортивных малиновых шортах решил погулять по травке за пределами городка. Довольный такой, веселый.

– Объясните, какими правилами собственной безопасности пренебрегает парень? – Елена нажала «Стоп» и подмигнула мужу, командиру Арсеньеву Виктору.

Виктор хмыкнул и незаметно подмигнул ребятам – Борису, круглолицему крепкому парню с мускулатурой борца, сыну лучших друзей Булановых, и дочери Лизавете. Намекнул всезнайкам: «Помалкивайте, пусть первой ответит мама».

Знаменитая Анна Арсеньева, режиссер-сценарист фантакрюзов (фантастических фильмов, которые демонстрируют на стадионах, в высоченном и завлекательном объемном изображении), крутанула ладошкой:

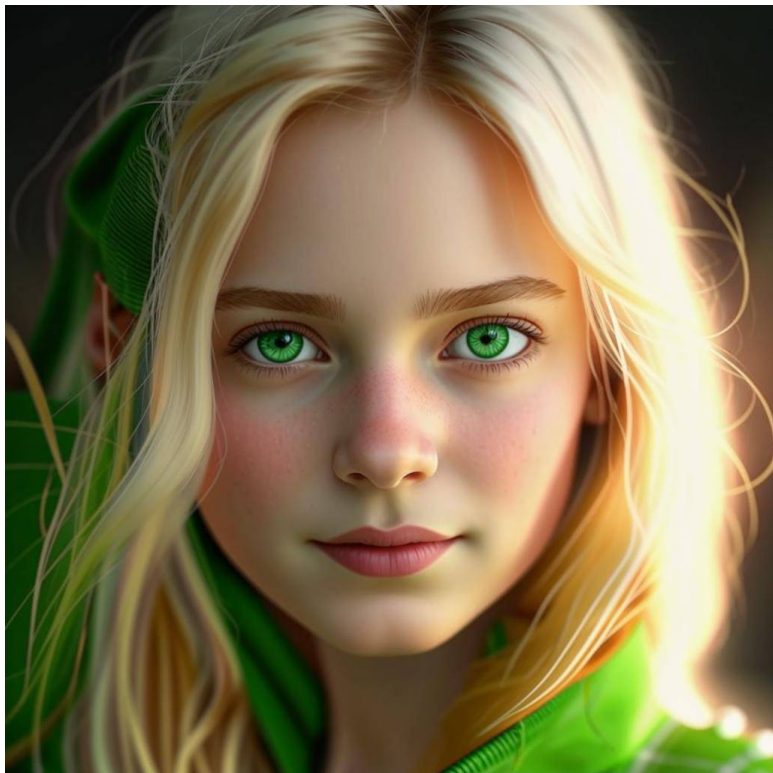
– Запросто. Без плотной одежды. Без шлема. Без фильтра для химзащиты. Без высоких сапог, спасающих ноги от проколов «кротов».

– Кто поправит? – Космобиолог отвела к спине белые локоны. Тактичная Лена Сергеевна была рада бы промолчать, не конфузить маму супруга. Но выживание в мире, полном враждебной фауны, зависит от мелочей. Если Анна хочет снимать документальные кадры для нового киношедевра, пускай позаботится прежде всего о безопасной одежде.

– Не плотный костюм, а из фрайзера, который нельзя разрезать, – затараторила Лиза, радуясь шансу высказаться. – Не высокие сапоги, а на высокой платформе с металлическими подошвами – бараклюк колет снизу, из-под земли, а не с боку. Фильтр не для химзащиты, а от маленьких насекомых. На Бьянке воздух прекрасный, без вредных промышленных примесей. К тому ж, молодой человек не отметил, куда идет, когда миновал зону шлюзов.

Борис смотрел на горячий дождь на затылке девочки...

Крашенный. Почему-то, к четырнадцати годам Лизавета пренебрегла наследственной яркой блондинистостью и преобразилась в рыжую. Пацан в последнее время и в школе искал места за спиною у одноклассницы, никогда бы вслух не назвал ее «Лизой» или «подругой». И не смотрел в лицо. Которое становилось все ярче, все красивее.

Лиза Арсеньева

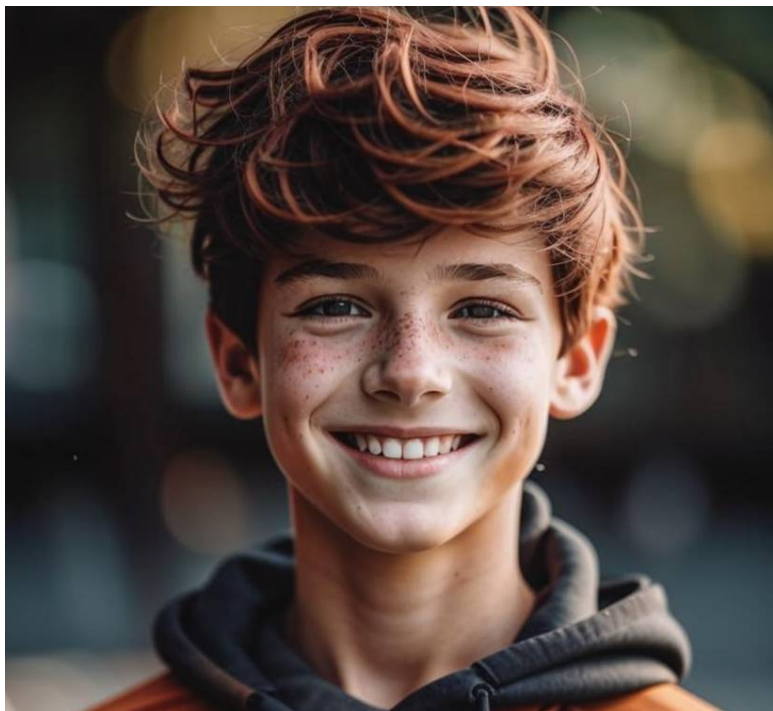
– Он не взял походный мозгютер, – выдал мальчик со снисходительной небрежностью победителя, когда доводы Лизы иссякли. На экране едва мелькнуло: карман для МП пустой, но никто кроме супер-Бориса этого не заметил! Теперь, если парень провалится в нору щетня или взлетит под облака с окрамусом, родственникам едва ли скоро вышлют белые косточки.

– И не налил воды. – Спорщица Лизавета развернулась на круглом стуле и уперлась в глаза противника. – Из озера пить нельзя. Личинки вертявого червя...

– А главное – он без мозгютера. Позови – и дежурные роботы принесут и еду, и одежду. И найдут на другом полушарии.

– А еще... А еще мы не знаем, что он захватил в аптечке! – Зеленые очи вспыхнули сердитым кошачьим блеском.

– И подлечат, если понадобится!

Боря Буланов

– Брейк! – Командир звездолета про себя добродушно посмеивался над перепалками «деточек», перешедших в восьмой класс школы будущих космонавтов, получивших досрочно корочки юных астропилотов, вместе с ним ведущих нагруженный техникой тяжеловоз в систему звезды Жозе-

фины.

Вокруг этого желтого карлика¹ крутятся сразу две голубенькие планеты, без своего родимого разумного существа. Но Рубарики больше подходят по всем статьям маракасам – зеленым, синим, сиреневым гуманоидам с дружественной планеты Брутэлло, они и взялись осваивать неведомые просторы. А Бьянку, более теплую, но опасную, непредсказуемую, изучают неугомонные любознательные земляне.

¹ Ученые делят звезды на три категории: карлики, гиганты и сверхгиганты. Карлики – это звёзды, размерами с наше Солнце или меньше в несколько раз. Наше Солнышко – желтый карлик. Гиганты – звёзды, которые в десятки раз больше Солнца, бывают красными, белыми. Сверхгиганты – в тысячи раз крупнее и светят в миллионы раз ярче.

Мама Лизы Елена Арсеньева

Родители Бори Буланова, вместе с сотней космопроходцев, ищут точный ответ на вопрос: возможно ли заселение враждебного мира людьми? Или мечта человечества об освоении Вселенной – несбыточная утопия?

– Походный мозгютер и аптечка чрезвычайно важны, часто спасают жизни, – улыбнулась мягко Елена. – Я уверена, если бы Лиза дала бабушке время подумать, Анна Ивановна запросто сама бы дала ответы.

Бабушка Лизы Анна Ивановна

– Стопроцентно! – Царственный жест моложавой веселой дамы не оставлял сомнений: Анна просто немножко дурачится. – А еще он в красных штанах. Красный цвет привлекает рои чебурашек... Нет, чебуреков.

– Чебуртронцерсеков, – внучка прижалась к плечу бабули. А Борис стиснул зубы: девчонка выигрывает по очкам. На своем поле. Еще бы! Потомственный космобиолог, так и чешет научными терминами. А пробовала она усложнить программу Мозгютера? А если над городком потечет силовая крыша, кто спасет людей от чебур..? Сын и отец Булановы! В кратчайшие сроки. То-то же.

– Правильно подобранные лекарства выручают попавших в беду до появления спасателей, – объясняла меж тем Елена. – А теперь посмотрим, как вы поможете человеку. Используйте уколы и аэрозоли, применяемые на Бьянке.

Трое поняли: вот сейчас и начинается самое главное. Оказание первой помощи на планете прибытия – необходимо для допуска. Анне гораздо проще, поснимает и улетит. А для Бори и Лизы – часть практики, трехмесячной, углубленной. «Медики» нацепили на пояс сумки с крестом и встали у двери: ловим!

На экране парень в футболке ожил, зашевелился, и тут же со всех сторон на беднягу напали птицы! Резуны! Колобки в оперении, похожие на синичек, вооруженные длинными бритвами вместо клюва. Гуляка выхватил бластер – засвер-

кали вспышки и молнии! Птицы круглыми головешками попадали вниз, но поздно! Из открытых ран человека лилась горячая кровь!

Топ-топ-топ... Дверь открылась, и слабый, перекошенный робот-муляж, копия верхогляда, в футболке и красных шортах, ввалился в учебную комнату:

– Помогите, я умираю!

И, в самом деле, шлёпнулся, надрывно, жалобно взвыл, застучал ногами, задергался. Правдоподобно. Птицы успевают напиться крови, но при этом прыскают в рану вредные вещества, вызывающие у землян боли, слабость, зуд и истерику.

– Спокойно, мы вам поможем! – Лизавета достала из сумки большой зеленый баллончик: – Я брызгаю в рот больного интроцефал – обезболивающее и успокоительное.

Но распылять вонючий аэрозоль не стала. Тем более, и муляж поверил девчонке на слово, ноги вытянул и зачесался. И еще противней завыл:

– С меня сейчас слезет кожа! У-у-у!!! А-а-а!!! Ужасно! Противно!

Борька ловко поднял капризу, нисколько не тяжелого, истекающего водичкой цвета багряной крови, плюхнул на процедурный стол:

– Закрепляем его!

Лизавета прыгнула к голове, мальчик ловко щелкнул наручниками, Анне досталась ноги и, что поделать, попа. Но

дама не растерялась. Разорвала материю, где резали резуны, помазала кожу йодом, залила биоклеем рану и сжала крепкими скобками разошедшиеся края. Борька ловко заклеил пластырем небольшие порезы предплечий. Лизавета зашила рану, кровоточащую на темечке, предварительно выбрив волосы. Муляж пробурчал благодарность, расслабился и «заснул». Врачеватели вымыли руки, роботы-пылесосы впитали разливы красного.

– Это все?

– Больной вне опасности, передаем врачу, – отчеканила девочка и сжала изящный ротик.

– Прошло четверть часа, поздно, – огорчилась Елена Сергеевна. – Теперь смотрите, что будет в результате через неделю.

Профессор шепнула несколько коротких фраз в микрофон. Вновь вспыхнул экран. В изоляторе сидел все тот же бродяга, покрытый сверху и донизу зудящими пузырями. А на соседних койках... Анвановна, Лиза и Боря! В пижамах, до жути похожие на самих себя, разукрашенные зеленой воюющей мазью!

– А через три недели...

Из лопнувших волдырей появились головки крошечных выползающих червячков – личинок мушки жрю-жрю.

– Ой, выключи, мам, противно! – Лизавета чуть не заплакала от стыда и от отвращения, глаза закрыла ладонями.

– Он слишком громко визжал, у нас мозги отвалились, –

нашел оправдание Борька.

– Ничего, смотрите, смотрите. Надеюсь, теперь запомните: в критической ситуации надо слушать не крик горлопана, а внутренний голос разума. Прежде чем заниматься рабами, необходимо сделать себе и пострадавшему уколы от пяти смертельных инфекций и против личинок мошек.

Что поделатъ, Елена Сергеевна, как обычно, была права. В такие минуты женщина, миниатюрная, худенькая (за последние месяцы Лиза маму переросла) представлялась Борьке высокой, даже монументальной. Еще бы! Семнадцать планет с описанием диких животных и оригинальных растений. Пять учебников для студентов, популярные книжки для школьников. Глубокое проникновение в миры, способные вмиг перемолоть исследователей. Не терялась от рыка коржудов, при нападении цадрусов. И выжила, и помогала друзьям-соратникам выжить. Потому что шла не одна – в команде первопроходцев, возглавляемой подполковником космфлота России Арсеньевым.

А орденоносного Виктора, Борис не снимал с пьедестала. Может быть, и они вместе с Лизой полетят к далеким планетам...

– Нам следовало надеть резиновые перчатки, – догадалась Анна, поглаживая раскрасневшиеся запястья.

«Впечатлительные...» По правде, и у мальчишки зверски зудело между лопатками. Чтоб отвлечься от двойника-неудачника на экране, пацан отвернулся к информацион-

ным мониторам на боковой стене.

Способная мыслить техника 26-го века заменила большой экипаж первых транспортных кораблей. Человеку пришлось признать: ему не тягаться с Мозгютером. Любые решения нашего, совсем неплохого мышления, медлительны и бесполезны при скорости, в сотню раз превышающей скорость света. Но люди незаменимы в непредвиденных ситуациях.

Летчику звездолета не нужно сидеть в кабине и пялиться в пустоту молочного гиперпространства, которое люди используют, но толком не объясняют. Достаточно время от времени поглядывать в мониторы, по кораблю развешанные, где Мозгютер дает отчет: все нормально, полет по графику. В случае ненормальности заверещат сирены, и голос со стен расскажет, куда бежать и как действовать. В аварийный отсек пригонит расторопных ремонтников-роботов, чтобы ловко и квалифицированно любую проблему уладили.

Но сейчас... Борис рот открыл, вникая, не понимая... Почему сирена безмолвствует? Почему бездействует Виктор? Замер и не моргает, словно... загипнотизированный? В корабле повисла тягучая, нехорошая тишина, нарушаемая дыханием троих удивленных женщин. На пяти обзорных экранах, сквозь больничный блок, через цифры и графики показателей, пробивались пески пустыни...

– Кто... поставил... в Мозгютер... ходилку? – прохрипел через силу Арсеньев, буравя мальчишку взглядом.

Тот пытался вскочить, объяснить: «Не могу знать, това-

рищ подполковник!», но зачем-то проямлил:
– Включить...

Виктор Арсеньев, отец Лизы

– В самом деле... странно... не нужно... – прошептала

Елена Сергеевна... И запустила обширное иллюзорное изображение.

Вмиг пропали столы и приборы, мониторы и стены с таблицами. Их поглотил раскаленный рельефный песок пустыни. В зыбком мареве горизонта дрожали башенки города.

– Помилуйте, мне уже жарко... – прошептала Анна Ивановна, а сама нажала на поле «Полное погружение».

Ой зря она это сделала! Вмиг компания за столами застыла в полудвижении.

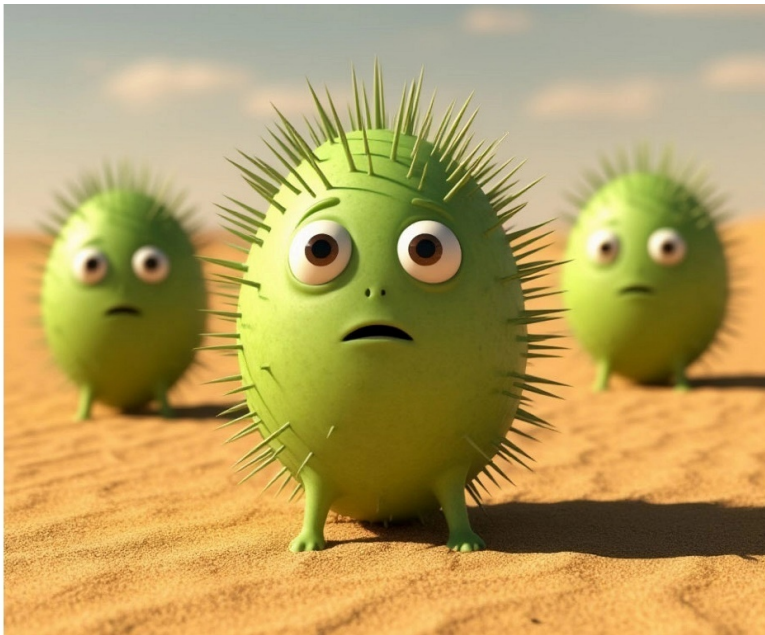
Словно время остановилось.

Будто кто-то невидимый, грозный, давясь издевательским смехом, заменил людей манекенами.

Лишь сквозной ветерок теребил мягкие прядки женщин, да муляж пыхтел на столе: когда же его отцепят?

Чужеродный безжалостный разум

Это было необъяснимо, но что-то само выстраивалось, прояснялось в слабом мозгу, благодаря инстинктивной, безудержной жажде жизни. Не сразу, пацан осознал себя под слоем песка. Выбирающимся наверх. Шевелящим множеством выростов по всей поверхности кожи. «Я родился», – явилась мысль. И что-то внутри задержалось, затребовало глотка раскаленного пыльного воздуха. Скорее, скорее, скорее! Так можно и задохнуться!

Боря в облике мурза

Но парень успел, прорвался в спящий расплавленный полдень. Вокруг копошились такие же зеленые кабачки с мягонькими отростками, пищали что-то... рассудочное? Борис вникать не хотел. С трудом поднялся и выкрикнул:

– Сообщение тестировщикам: ваша игра не затягивает. Противные ощущения. Мне надо общаться с этими трухлявыми слабаками? Извините, я отключаюсь.

– Неверное предположение, – затрещал механический голос, как будто в больной голове заработал приемник с помехами. Транслятор переводил на русский язык слова незримо-го собеседника, привыкшего с первых фраз подчинять, давить, унижать. – Ультиматумы бесполезны – твой разум покинул тело. Величайший Гений Вселенной проводит эксперимент выживания гуманоидов в условиях данной планеты.

– Условия эксперимента? – спросил не подумавши Борька. Разумеется, он не проверил ни в коварное похищение, ни в прочее бла-бла-бла.

– На Землю вернутся пятеро, если вы найдете друг друга, или не вернется никто. Выбывание испытуемого ввиду преждевременной смерти обрекает других на пожизненное пребывание на Мурзлингере.

– Наши здесь? – Пацан покрутился на тонких дрожащих ножках (у «кабачка» шеи не было), пытаясь окинуть взглядом десятки, сотни собратьев с наивными мелкими личиками. Будто бы нарисованными ребятишками из детсада: кругленькие глаза, овальный беззубый рот и мелкая вишенка носа с двумя сопящими дырочками.

– Земляне могут быть здесь. А могут быть и в другом неожиданно дальнем месте, доступном для проникновения мурза, урза, злинга, инга и гера, – проскрипел снисходительно голос. – Выжившие из вас постигнут все ипостаси. С каждым новым преображением, ваш разум будет пополнен новыми интуитивными знаниями этого мира, вы станете все

сильнее, проворнее, предусмотрительнее. Одновременно будут стираться воспоминания о себе, о друзьях, о Земле. Таким образом, может случиться, вы встретитесь, но останетесь на Мурзлингере навсегда, потому что не догадаетесь попросить меня о возвращении!

Угроза звучала жутко. И как-то... правдоподобно?

– Но я не хочу! Я отказываюсь! – крикнул в небо рассерженный Борька. И даже махнул отворотками, как будто бы отбиваясь от невидимого врага. – Не трогайте мою память! Семь лет в Петербургской школе будущих космонавтов! Доскональное изучение электроники и мозготроники звездолетов Земли и Брутэлло! В этих знаниях моя сила! Мое долгожданное будущее!

– Здоровый и умный юноша, отважный, честолюбивый, умеющий применять многочисленные способности в достижении поставленных целей, – сделал вывод циничный хрипун. – Такой экземпляр мне и нужен. Даю тебе пять минут для продуманного решения. Не огорчай отказом. К сожалению, я распыляю отказников по пустыне.

И Боря крепко задумался. Игра или не игра? Не похоже вроде на шутку. За подобные гнусные выходки тестировщиков и разработчиков на Земле лишают лицензии. А если... на самом деле? Что будет с Лизой, с Еленой, с Виктором, с Анной Ивановной, если Боря сделает глупость, возьмет и тупо откажется?

При мысли о судьбах друзей побежали мурашки по коже.

Они тоже, каждый, стоят в пугающем одиночестве, в невероятном облике, и принимают решения. И, конечно же, каждый понял: а по сути, выбора нет. Следует соглашаться.

На корабль вернутся пятеро. Через час, в учебную комнату, когда исчерпается тест.

Или... Мы останемся здесь и выполним, что потребуется. Мы спасем, отыщем друг друга! Пока сильна наша память, пока наш рассудок не смяли неведомые инстинкты, надо думать и надо действовать!

– Я согласен! – вы...пискнул парень. Его крепкий голос сломался, но Борис уже представлял, как пойдет вперед меж кабачков, как будет кричать: «Арсеньевы! Это я, Булан! Отзовитесь!»

– Информировать: каждый из группы принял правильное решение, – протрещал сквозь помехи невидимый с нескрываемым одобрением. – В качестве бонуса: вы сможете уловить присутствие земляка на расстоянии взгляда. Катись вперед, малый мурз!

Пожелание было странным, но все кабачки... то есть, мурзы, плюхнулись на бока и покатались к городу, белевшему на горизонте. И Борис не смог устоять. Его ножки вдруг подкопились, а тельце само завертелось в заданном направлении.

«Я подчиняюсь стаду, – догадался с досадой парень. – Я буду делать то, что делают все они. Вольно или невольно. Но мне не заткнули рот». И он запищал что есть силы, вызывая к

земным друзьям. Такой маленький, в гиблой пустыне, среди многих сотен мелькающих представителей чуждой жизни.

– Почему кричит этот дурень? – спрашивали соседи. Как ни странно, новорожденные вполне могли разговаривать. И Боря их понимал!

– А, какую-то ерунду, – отвечали им сотоварищи. – Торопитесь, надо успеть!

В самом деле, все очень спешили. И мальчик уже догадался, без подсказок, без объяснений, что неловкий его организм, по сути – мешок с водой. Под землю влага скопилась и подступила к горлу, но под солнцем с первой минуты начала уже испаряться через тонкую мягкую кожицу. Воду надо беречь. Надо тщательно облепить всю кожу песком, препятствуя убыванию благодатной прохладной влаги, что дается малому мурзу гарантией выживания. И рот держать плотно закрытым – многие не достигнут защитных стен белого города, высохнут по дороге.

От этой мысли Борису стало еще тревожней за Лизу, за взрослых Арсеньевых. А если они... Сегодня – последний день общей встречи? И парень пищал, хрипел, шипел пересохшим горлом, выталкивая непослушным разбухающим языком комья слипшегося песка.

Вдруг волна невнятного ужаса захлестнула разумное стадо. Мурзы замерли. В ту же секунду, Боря ушел в песок липкой прохладной лужицей. Как ни странно, способной мыслить и потихоньку подсматривать: что творится снаружи?

С трех сторон горизонта летели тяжелые стаи птиц: черная, белая, алая. От их мощного приближения, от взмахов орлиных крыльев, кровь застывала в жилах. Казалось, птицы несут в цепких лапах тяжелые бомбы! Что смерть полетит со свистом с разноцветного жаркого неба! Краем мысли пацан понимал: представил невероятное, но не мог противиться страху, охватившему спрятанных мурзов.

А птицы и в самом деле сошлись над их головами, затмили сияние солнца, погрузили искрящийся полдень в холодный зловещий сумрак. И вдруг, ни с того ни с сего, набросились друг на друга! И стали лупить по торсам, по шеям, по головам увесистыми хвостами! Длинными и тяжелыми, похожими на удавов, опасно резко свистящими! И колотить руками, растущими из подмышек! И чем ниже спускалась битва, тем яснее видел Борис перекошенные от злости, настоящие лица женщин! Тем яснее слышал удары, шум крыльев, гортанные крики победителей и побитых. Да что же это творится?

К счастью, до смертоубийства дело все-таки не дошло. Получив изрядную порцию оскорблений и тумачков, сфинксы² резко попадали вниз, схватили руками и лапами изумрудные острые камни и скорей потащили добычу за горизонт, восво-яси. Борис не считал себя трусом, но когда свирепые черные, белоснежные, алые лица проносились над ним, хватали не

² Сфинкс на Земле – мифологическое существо с головой человека, туловищем птицы или животного.

успевших разлиться собратьев, у мальчишки в «груди» больно дергалось былое, фантомное³ сердце.

Иной раз, ослабевшие хищницы не удерживали захваченное, камни падали с высоты, разбивались с зелеными брызгами, с последним жалобным всхлипом. Может быть, это билась Арсеньевы? А он не бежит на помощь, ничтожный, парализованный!

– Вы обязаны всех спасти! – заревел пацан во всю глотку. А впрочем, не было глотки, соответственно, не было звука. Однако его слышали.

– Я ничем никому не обязан, – прорычал негодяй сквозь зубы, – иначе будет нарушена безупречность эксперимента. Подожди, сейчас посмотрю... В твоей группе все живы, мужайся.

– Дайте мне нормальное тело! Я буду пасти малышей! Где болтаются их родители?

– Засевают пустыню в блеске восхитительных иллюминаций! И сраженные погибают.

– Что мне сделать, чтоб...

– Ничего. Мне интересна ваша хладнокровность, помехоустойчивость, приспособляемость к смене неожиданных ситуаций, а не огрызок морали – слюнявый коллективизм.

Боря сник. А кто бы обрадовался? Но что толку молить о гуманности чужеродный безжалостный разум? Зверо-жен-

³ Фантомные ощущения создают иллюзию присутствия ампутированной части тела. В нашей истории, Боря постоянно чувствует утраченные органы человека.

щины разлетелись, в воздухе пахло пылью. Сам не зная как, он обрел прежний облик зеленого мурза, с более жесткой кожей, с твердеющими отростками. И все лужи вокруг, и все камни, кому удалось уцелеть, встряхнулись и покатались среди пуха и выдранных перьев, с удвоенным энтузиазмом. Лишь один, самый маленький камушек почему-то не возродился. Собратья спешили мимо, а Боря остановился.

– Малыш, шевелись, просыпайся! – теребил он «кусочек малахита», отчаянно соображая: жив мурзьяк? Или умер со страху?

Но вдруг на гладкой поверхности появился единственный глаз, закрутился, обзорева опустевшие небеса, и крошечный ротик пискнул:

– Они улетели? Мне страшно!

– Не робей, держись за меня. Я буду тебя защищать.

– Ты добрый. – Камешек выдохнул, и сразу стал кабачком, маленьким, незрелым.

И они покатались вместе. Но слабый друг отставал, и Борис его часто подталкивал на высокие склоны барханов. Или вынужден был останавливаться, когда Мурзик передыхал.

Теперь армия шустрх младенцев растянулась на километр, вперед устремились сильные, обтекая слабых собратьев. Пожалуй, это и к лучшему. Все новые, новые лица мелькали перед глазами, и Борис глядел во все стороны, пытаясь каким-то образом узнать, уловить друзей на расстоянии взгляда. И опять кричал до хрипоты, но ответа, увы, не

последовало.

— Зачем открываешь рот? — увещал рассудительный Мурзик. — Ты высохнешь и не сможешь меня дотолкать до города. А я без тебя погибну.

— Дотолкаю! — хвастался парень, успокаивая бояку. — Я очень сильный и ловкий! Ты, самое главное, помни: если птицы опять прилетят, превращайся в прохладную лужицу. Они мокрые пятна не трогают.

— Я буду крошечным пятнышком! Незаметным и незацепным! — хорохорился Мурзачёк и смеялся собственной хитрости.

Миленькая мордашка с любопытными круглыми глазками светилась радостью дружбы с самым лучшим мурзом на свете. Он звал друга коротко «Бро» и несмело трогал «ладошкой». И Борису не раз казалось, будто он на Земле, ведет в толпе нарядных людей потерявшуюся девчушку, с большим бантом, с курносым, чуток испачканным личиком. «Чей ребенок? Чей это ребенок?» Но люди спешат, никому, никому ребенок не нужен...

А Борису... Пацан понимал: отставая, нянькаясь с маленьким, может сам засохнуть до времени. Но безудержная потребность поскорей кого-то спасти побеждала голос рассудка. Если не получается вычислить из толпы дорогих любимых Арсеньевых, значит, нужно братской заботой одарить вот этого, глупенького. Который, к слову сказать, куда умнее и круче земного новорожденного. Забота о малыше немно-

жечко успокаивала.

Но когда на заходе светила налетели жуткие сфинксы, и дневной кошмар повторился, увы, мгновенный инстинкт собственного спасения опять одних растворил, а других превратил в малахиты. На этот раз, хищницы тщательно выбирали крупные камни, лежавшие в авангарде. На слабых у них не хватило ни сил, ни свободных рук.

– Почему ты меня не послушался, почему не сделался лужицей? – не на шутку расстроился Борька.

– Я не знаю, – заплакал Мурзик, дрожа колючими «лапками».

Пацан утешал несмышлениша и напряженно думал. Новая трансформация побелила зеленую кожу, сделали светлой и жесткой, превратила отростки в шипы. Борьку это даже обрадовало. Парень чувствовал: мать-природа неспроста укрепляет свое незащищенное дитяtko. Ночью им предстоит бороться с опасным новым врагом, не пассивно прячась в песок, в ход пуская иголки и ловкость.

Великая польза, оказывается, от мужского крепкого корпуса, от увесистых кулаков, от мышечной оболочки. На Земле он был сильным и ловким, занимался борьбой и боксом, мог фронт-кики сыпать ногами в неожиданной драке с противником. А здесь безрукое тело обрекает носителя разума на безвременную гибель. Ничего от Бори Буланова в новом облике не зависит, ни от предполётной усиленной физической подготовки, ни от проверенной храбрости.

Вставай, Бро, не то мы засохнем!

Опустилась темь, резко, стразу. И все кабачки резко замерли, потеряв из виду далекие башни белого города, и в ту же минуту заснули. Быть может, один Борис, обостренным инстинктом землянина, привыкшего не доверять непроглядной глухой темноте, предчувствовал выползающих из нор опаснейших хищников.

Ночь медленно перемещала по куполу небосвода неведомые созвездия. Быть может, среди них затерялось земное родимое Солнышко? И парень с великим волнением, с невольной влагой в глазах, пытался найти, угадать его льющийся в Космосе свет, словно взгляд далекого друга, обращенный на отлученных.

Значит, все-таки это не тест – не бывает таких испытаний для будущих покупателей. На Земле за подобные фокусы разработчиков и тестирующих в два счета лишили бы лицензии. Эксперимент не закончится без усилий, без многих опасностей, и сроки не обозначены. Надо действовать, всеми способами приближая минуты встречи, пока гонит воля к победе, пока работает память.

Он, Булан, ни за что не отступится, покажет себя Лизавете во всей героической красе! Или рыцарской. Или пилотской. Ладно, главное – сам всех спасет. Но, пожалуй, позволит зазнайке наложить на ранения пластыри.

А сладкая дрема укачивала, заманивала, затягивала... Боря слушал сопящего друга и во сне уже видел: он стражник, бдительно охраняющий покой утомленных товарищей...

Вдруг вздрогнул, резко очнулся. Маленький Мурзик рядом надрывно дрожал всем тельцем и жалобно плакал: «Пи-и-и, пи-и-и...» А над ним возвышалось чудовище, в серебряном свете звезд похожее на варана! Из открытой пасти свисали два жутких клыка с плотоядно капающий слюной, проворные лапы ловко обстукивали спинку друга! «Он хочет проткнуть глаза! Чтобы высосать нашу воду!»

– Атаc! – закричал Борис и бросился на клыкастого! Варан на него! С налета два длинных заточенных зуба вонзились в мальчишке в грудь! А тот... Ничего не почувствовал! Без рук, без борцовских приемов, подмял под себя зверюгу, проткнул зеленое брюхо десятками жесткими игл!

Меж тем спасенный Мурзяк оклемался и деловито закопался в остывший песок, наверху остались торчать две короткие тонкие ножки. «Он этим дышит? Прикольно!»

И со всех сторон зашумели, зашевелились мурзы, и бросились в драку, спасаясь от набега вараньих вампиров! В темноте метались, дрались неясные силуэты. А Борис... Смотрел, задыхаясь, на брюшко умирающей ящерицы... Сочилась темная кровь... «Мурзы, урзы, злинги, инги и геры», – стучало в пустой голове невыносимой догадкой. Может быть, это урзы-Арсеньевы?

– Нет, Боря, это циклоты, ночные подземные хищники, –

прозвучал среди треска иной, благожелательный голос. – Ты правильно сделал – спас первым криком многих разумных.

– А как выглядят урзы и злинги?

Но опять шум и треск. И обрывками:

– Осторожнее... Думай... Внимательней...

«Ночные прожоры лупят беззащитную Лизавету!» – подскочил в испуге пацан. Заткнул отверстия в панцире, где слабо текла вода, собственными колючками и бросился в новую драку!

Большинство кабачков, воители в глубине мурзячей души, с азартом вступали в схватку с клыкастым-юрким противником и хвалились кровавыми пятнами, как наградами за отвагу. Меньшинство зарылись в песок и бестрепетно почивали. «Эти днем становились камнями, – осознал в пылу битвы Борис, натываясь на тонкие ножи. – Они словно совсем другие». Но чем отличается соня от удалого забияки? Это знание ему не давалось.

С приближением рассвета, хищники прекратили попытки вторжения. Дивизия кабачков повалилась в песок, обессиленная, и пацан невольно заснул. И во сне видел Лизу, стоящую в пестреньком сарафанчике среди цветов у синего озера. Золотое солнце искрилось в рыжих выющихся волосах, и девочка улыбалась, но отчего-то хмурилась. Малявка, соседка по парте... Или девушка... Неузнаваемая... Уходящая вдаль незнакомка с картин старинных художников... Он бежал, бежал к ней навстречу, а она крутилась в холодном ка-

лейдоскопе звезд...

Artguru

Лиза во сне у Бори

– Вставай, Бро, не то мы засохнем!

Отдохнувший, окрепнувший Мурзик ткнул парня колючкой в бок. И тот покатился, слабо, с усилием переваливая отяжелевшее тело. Еще бы! Жесткая кожа превратилась в невероятно толстую скорлупу, а внутри... ни капли не булькало! Вода кончилась! А с водой у Бориса пропали силы. И прочие кабачки еле-еле крутились в песке, останавливались, задыхались, словно все мгновенно состарились.

Теперь Мурзик толкал вперед потерявшего бодрость товарища и ласково приговаривал:

– Старайся, дружок, старайся! Вот так... И еще... И чуть-чуть... Посмотри, осталось немного!

«Он сохранил свою воду, когда обращался в камень. А я влагу оставил в песке», – сообразил пацан. Но от этого было не легче, сознание пропадало и противно, пугающе путалось. «Неужели я умираю?.. Неужели они все умрут?.. Какой в этом смысл?.. Почему взрослые не заботятся о беспомощных малышах? Какие это разумные? На Земле крокодилы заботятся...» В отчаянии, Боря пытался задействовать телепатию, услышать Лизу, Елену... Поддержать их в последний час... Заставить жить, долго жить!

– Береги-и-и-ись! – прокатилось в толпе. И опять с трех сторон налетели, закружились проклятые «птицы»!

– Я прикрою... – Парень прижался колючками к Мурзику-камушку, последней крупницей воли борясь с нарастающей паникой: «Я – не лужа... Не таю, не таю... Я спасу Мурзюку, спасу... Я держусь, не страшно, не страшно...»

Но с неба спикировал сфинкс, оттолкнул пацана мощной лапой, зажал добычу и бросился подальше от соплеменников, на лету виляя зигзагами. У Бориса в сердце разверзлась тоскливая пустота. Отвратный лик алой женщины с пронзительным черным взглядом заполнил собой полнеба. «Что она сделает с Мурзиком? Сожрет его? Мерзкое чудище! Прости меня, Мурзик, прости...»

И Борис впервые заплакал, без слез, без слышимых всхлипов, прощаясь с несчастным другом, к которому привязался.

– Никогда никого не люби – обретишь свободу от боли и станешь непобедимым! – взвыл в уши экспериментатор, дневной, с издевками в голосе.

– А я тебя ненавижу! Ты убийца!

– Тупой недоумок! Молчать! Вперед! Выбрал путь – иди по нему до конца!

И опять Борис покатился, повинувшись воле инстинкта, представляя в бреду, что торопится, что бежит навстречу Арсеньевым. Они встретятся, обязательно... А иначе быть невозможно... Но когда, потратив последние, навсегда уходящие силы, обогнул высокий бархан...

Внизу простиралась долина, зеленая и цветущая. Огромное синее озеро отражало множество радуг в солнечном под-

небесье, слепило глаза игрой искрящихся солнечных бликов. И это был не мираж! От воды тянуло прохладой и скорым сладким спасением. А по центру – два круглых острова, словно два горба у гигантского окунувшегося верблюда. А на островах – деревья и пирамиды разумных! А у берега мурзов встречают... полулюди?

Боря застыл в шоке, в недоумении. Он смотрел – не верил глазам! Коричневые «человечки» хватали бессильных мурзов, катящихся вниз с пригорка, и лупашили молотками! Осколки панцирей складывали в стоящие рядом лодки, а внутренности выбрасывали в глубокие теплые воды! «Как же так?.. Зачем?.. Почему?!!»

– Опасно... Туда нельзя... – Погружаясь во тьму, теряя заметавшееся сознание, Борис из последних сил старался предупредить, спасти беззаботных товарищей.

Но стадо рвалось вперед, и кто-то его толкнул, и он покатился, вниз, усиливая обороты, навстречу скорой гибели. И последнее, что увидел: высокий замах злодея с острым каменным молотком...

* * *

Почему она здесь, под сводами холодной темной пещеры? Неловкий луч пробивается в трещину в потолке, на полу копошатся, режут детскими голосами белесые, черные птицы... Несуразные... Темнота прячет глаза и перья... Она тоже... Ручки ребенка, растущие из-под... крыльев? Оперение до

колен... И ноги – корявые, страшные, когтистые лапы куриные... Почему? Ноги были другими... И кожа была другой, белой, гладкой... Или колючей? У всех у нас... У кого? Чьи лица стертыми пятнами мелькают перед глазами? Почему к ним тянется сердце?

Открывается дверь. Силуэт, высокий, черный, пугающий, направляет яркий фонарь в куриные лица... Нет, в настоящие, человеческие!

Луч впивается болью в зрачки, тишину разрывает хохот:
– Ба, сегодня удачный улов! С «Супермена» попалась Арсеньева!

Глава 2

– Очухались, ребяташки?

Шевелитесь! Прыгайте в лодку!

Со всех сторон доносились приглушенные голоса. Кто-то брызгался, кто-то толкался, раскачивая волну. С невероятным усилием, Борька открыл глаза. Высоко простиралось небо, цветастое и пустое... И такая же пустота отозвалась в голове.

– Не робей, малыш, помогу!

С борта наклонилось плоское коричневое лицо, будто оттиск на старой монете с живыми глазами навывкате, и множество тонких шлангов обхватили парня, приподняли, посадили на дно посуды, заполненной «деревянными» мокрыми человечками с плоскими головами, сразу переходящими в карандашное тощее туловище, с бахромой четырех шланго-ног, с четырьмя вертявыми выростами по каждую сторону «плеч» – руки-пальцы одновременно. «Резиновые» конечности извивались сами собой, а глупые человечки смотрели на них удивленно и смеялись, и баловались, как малые дети Земли балуются с погремушками.

– Ну-ну, ребятня, успокойтесь! Не пристало доблестным

урзам корчить рожицы и дурачиться, – увещал самый старший гребец с белым чубчиком надо лбом, усевшийся на носу выдолбленной из дерева и просмоленной лодки.

Он посматривал по сторонам, подгонял лодку к новым ку-пальщикам, распластанным на поверхности теплых прозрачных вод, а помощники по бортам выбирали насквозь промокших. «Самый толстый – и самый старший, – пришла в голову первая мысль. – Урзы вверх совсем не растут. Почему совсем без одежды? Почему тут все ходят голыми?»

– Я стал урзом? – вырвалась фраза.

– Воистину так, громогласный сообразительный друг, – согласно кивнул чубатый.

– В два дня! Всего за два дня! Послезавтра я стану злингом?

«До сих пор никого не нашел! А что-то уже забыл! Что забыл? Что самое главное?»

– Злингом? – старший гребец нахмурился. Расправил грозно по длинному заостренному пальцу-шлангу от каждой сжатой «руки», указал сердито на парня: – Откуда тебе известно проклятое имя врага? Урзы трудятся неустанно, создают запасы на время, когда наступает засуха! А ленивые злинги ночами пробираются в наши кладовки, убивают бдительных стражников и сжирают все, подчистую! Они губят наши деревья! Обдирают ветки и листья! А каждое деревце кормит десятки таких, как ты!

– Простите... – проямлил Боря. Он совсем, совсем рас-

терялся. Картина происходящего упорно не восстанавливалась. «С каждым разом будет труднее, – пришла в голову страшная мысль. – Непременно надо записывать. На чем записывать? Где добыть бумагу и ручку?»

Лодка мягко причалила к острову – к подножию холма, где высились огромные пирамиды с пузырьчатыми боками. Огромные? Как оценить, что кажется урзу высоким? Какого роста он сам? Вроде, мурзы были в длину сантиметров примерно сорок. Урзы зрели у них внутри и вытянулись до шестидесяти... В таком случае, холм в высоту будет с десятков метров. Пирамиды – семь или восемь. Если глазомер не подводит. Очень трудно воспринимать реальность с двух точек зрения – человека и местного жителя. Но надо. В знаниях землянина его сила, его превосходство над простенькими туземцами.

Меж тем ребятишки гурьбой выпрыгнули на берег, и старший тут же велел выстроиться цепочкой вдоль ведущей в город тропинки. К удивлению Бориса, урзы опустились на четвереньки (о нет, на двенадцатиреньки!) и ловко полезли вверх. Да и сам он согнулся, тронул руками мокрую землю... Но опомнился, подскочил: «Я человек, человек!»

Четыре гибких ноги неловко переплетались, парень делал шажок и падал.

– Да ты совсем бестолковый, – усмехнулся заглавный урз, которого бортовые с уважением звали Гнор. – Вставай к лодке и подавай осколки панцирей мурзов.

– Зачем? – пацан содрогнулся. И ясно представил: дно выстлано белой кожей! – Это останки разумных! Их надо захоронить!

– Глупость мелешь! Мурзы – растения, полезные, закаменелые. С их помощью, урзы ловко пробираются через пустыню, а затем черепки приспособливают для различных хозяйственных целей.

– Неправда! Они разговаривали и неплохо соображали!

– Тебе видно приснилось, малой. Чтоб растенья болтали!

Ну выдумал!

«Он не знает? Он разбирается на Мурзлингере хуже меня? Это вряд ли. Я что-то путаю? Или что-то не понимаю?»

А впрочем... «Самое главное свойство звездoproходца – психологическая устойчивость, умение приспособливаться в любом неожиданно новом инопланетном обществе», – вспомнил парень строчки учебника. И сам себя похвалил: а память-то не подводит! В параграфе есть подсказка: следует опираться на сравнения с нашим, родным, с детства привычным миром. Ну это не трудно. В земных парикмахерских, например, люди оставляют не нужные волосы. Их выбрасывают. Или делают красивые парики. А не вопят: «Благородные останки надо закапывать с тихой печальной музыкой!» Борька хмыкнул, поднял осколок, перебросил второму в цепочке, и пошла кожа мурза наверх на строительную площадку. Из нее, значит, делают «домики». Урзы быстро перекидали строительный материал. Наверху принимали ра-

бочие, сортировали в кучи по размерам и назначению.

– А теперь покушать и спать! – одобрительно молвил Гнор. И, тряхнув на прощание чубчиком, поплыл за новыми мокнувшими.

А Борис неожиданно понял: два дня ничего не ел, ничегошеньк! И голод вдруг засосал за щеками так жадно, так требовательно, что парень бросился вслед за бегущими в город товарищами. Тоже на двенадцатиреньках.

Наверху, новый толстенкий урз с короткими левыми щупальцами (потерял, похоже, в бою?) ждал компанию молодняка. Он назвал себя поваром Чеком и повел ребят меж пирамид, собранных из самых крупных колючих пузырчатых панцирей. Новорожденные урзы задирали головы вверх и с наивной душой восхищались чудесами архитектуры.

Центральная площадь сплошь оказалась занята столиками, расположенными кругами, словно сиденья в цирке, собранными из мелких, склеенных черепков с сохранившимися колючками. И на каждой игле, представьте, юных урзов ждали кусочки аппетитно нарезанной пищи! Круглый стол посередке ломился под посудой с розовой жидкостью, похожей на сладкие йогурты, на тарелках лежали сыры.

– Навалитесь с ближнего края, – радушно промолвил Чек, – с другой стороны рановато.

«Здесь готовят пищу на солнце, без огня, на горячих камнях, – сообразил Борис. – Подсушивают и вялят».

– А где можно вымыть руки? – обратился вежливо к

взрослому.

– Зачем? – удивился повар. И сунул себе в рот ломтик с тонким налетом пыли. И совсем живого жука!

Ну да, жуков было множество, они ползали по столам и обкусывали еду. А юные урзы жадно толкали за щеки пищу, покоцанную насекомыми, и противных самих насекомых!

Человек в Борисе страдал, возмущался, сопротивлялся вопиющей нечистоплотности. Урз в землянине ловко орудовал восьмью грязными руко-шлангами и скоро забил полный рот кусочками нежных листьев, сладкими дольками фруктов, нарезкой какой-то живности и жуками, как же без них? Дальше пища не проходила. Пацан отхлебнул из общей чаши жирного молока. Вопрос: «А где можно взять одноразовые стаканчики?» – почему-то остался в горле.

– Молодцы! Теперь по домам! Забирайтесь на верхние ярусы, внизу будут спать, кто крупнее.

И малые урзы с пузатыми наполненными щеками направились к пирамидам, без контроля, кому куда вздумается. Боря тоже чуть не поддался сонному настроению, но вовремя сообразил: ему надо смотреть в оба глаза, выискивать земляков, пока позволяет солнце.

Пацан вернулся к откосу и сел, прислонясь к теплым панцирям. С высоты холма открывался вид на воду, на узкую полосу веселой цветущей долины, на пустыню, бескрайнюю, жгучую, где за скошенными барханами остались слабые мурзы. Их выискивали спасатели, с трудом катили колючие тя-

желые кабачки, направляли с откоса в руки товарищей с молотками. «Как все это жутко. И вынужденно».

Несколько ярких лодок подбирали последних отмокших, развозили по островам. Раскаленный шар быстро падал, слепил глаза, затмевал фигуры и лица тружеников. Множество садоводов лазили по деревьям, собирали плоды с кустов и ухоженных узких грядок по пологим склонам холма. Коричневые фигурки казались Борису сверху суетливыми муравьями. Они вызвали жалостливое тоскливое беспокойство. Почему?

И пацан догадался с очевидной, пугающей ясностью: тяжелые тонны песка, гонимые всеми ветрами, каждый день навсегда поглощают полосы живительной зелени. Достаточно сильной бури – и барханы сдвинутся с места, лягут жирными кашалотами на цветы, на Чудесное зеро! И пожрут его! И задавят удивительный дар природы высохшими боками!

Парень аж привскочил – представил гигантское красное облако из крутящейся душной пыли, поднятое с земли раскаленным воздушным потоком! Сама Смерть росла, надвигалось, хохотала беззубым ртом, закрывала веселое небо! Скоро смерч упадет на них сверху! Разнесет, уничтожит два острова!

Почему эти урзы-трудяги так беспечны и легкомысленны? Зачем они поселились в чрезвычайно опасной близости от губительной власти пустыни? На земле муравьи и термиты покидают опасное место за сутки до землетрясения или, ска-

жем, лесного пожара, а этим все как-то по фигу. Неужели не понимают? Неужели Борис обладает исключительным даром предвидения, подаренным мощным разумом, проводящим эксперименты?

Солнце медленно село за дюны. Последняя группа юных покидала панцири в гору и промчалась мимо землянина к обещанному застолью, а усталые огородники оторвались от грядок и понесли на площадь корзины со свежей зеленью. У Бори во рту жучки покروшили-помяли пищу (своих зубов не прорезалось) и растворились в глотке вместе с вкусной жидкой кашцей. Теперь можно рот открывать для вопросов и разговоров. И пацан закричал: «Я Борис!», и старался попасться каждому проходящему на глаза, но в ответ получал улюлюканья да остренькие словечки.

Последним поднялся Гнор, он с помощниками подвязывал на ночь к колышкам лодки.

– Ну что горлопанишь, сердешный? – спросил старик добродушно и уселся на землю рядом, немножечко поболтать. – Зря ты тут высыхаешь без толку. Сказано: марш по домам! Так и делай, как старшими велено.

– А старшие понимают: не пройдет двух дней, нас накроет с головами пыльная буря! Пора бежать без оглядки!

Лодочник усмехнулся:

– Ишь ты, крохи соображаешь. Да не дрейфь, великие боги все ведают наперед и наш городок прикроют.

– Прикроют?! – Борис подскочил от невероятной глупо-

сти простоватого собеседника. — Да если бы люди Земли надеялись на богов, они б до сих пор дрожали у костров в воющих пещерах!

— Кто такие люзиземли? — отреагировал урз, и на парня взглянул с подозрительностью. — Злингов гонял, от ингов сам убегал, а с люземлями не встречался. Это пришлые, наши враги? Как дерутся? Где обитают?

— Нет, друзья. Но они проживают за дальними-дальними звездами и ничем не могут помочь. — Пацан и сам понимал: лопочет полную чушь с точки зрения местного жителя. Поэтому решил поскорей перейти к неотложным вопросам: — Нам надо собрать в дорогу самое необходимое и убегать отсюда, искать безопасное место для нового поселения. Сейчас, как можно скорее. До бури успеем пройти значительное расстояние.

— И куда прикажешь бежать? В лугах стада диких ингов, они нас порвут, затопчут! А севернее зверье. Друты, жруты питаются злингами, но воруют при случае урзов. Нас, малыш, окружают враги, уйти никак невозможно. Даже если какой-то счастливчик избежит мучительной смерти, он к утру все едино засохнет. Нельзя покидать урзам озеро.

— А разве дальше нет рек, озер, морей, океанов? Вы посылали картографов? Составили планы местности?

Старик совсем рассердился:

— Да что ты заладил, дурень! Вспоминаю, были у нас пустоболы вроде тебя, всё бегали, всё кричали, как будто кого

выискивали. А уж коль находили приятеля, такого же болтуна, радовались да прыгали. А потом уходили навеки, гибли в чуждых краях. Не может урз без воды.

«Пустоболы? А может, земляне, кого заманили раньше дурацкими новыми играми? – сообразил Борис. – Они находили друзей вот здесь, на этих холмах... Это значит, ничто не потеряно!»

– Вы не можете утверждать, чего никогда не видели. Они не погибли, выжили, – упрямо заверил парень.

– Знамо, сгинули, коль не вернулись. – Старый Гнор с усилием поднялся, прекращая уже надоевший бессмысленный разговор. – Кругом враги, мальчик, помни! Даже тут, на соседнем острове. А ну, попробуй-ка, сунься на другую сторону озера – камнями вмиг закидают.

– А если к нам кто-то сунется?

– Ясно дело, и мы зададим негодяю изрядную трепку. Зачем нам нужны соглядатаи?

– Соглядатаи? – Каждая фраза вводила в новые дебри. – А разве у вас есть секреты, военные или промышленные?

– О-хо-хо! Откуда ты слов заковыристых понабрался? Пошли, малыш, почивать. Поработаешь завтра, умаешься, и будет тебе не до трепа.

– А как же песчаная буря?

– Буря бурей, а отдых отдыхом. Говорю тебе, не бойсь, боги о нас позаботятся.

Старик развернулся, направился в сторону городка, от-

чаявшись образумить непонятливого собеседника. И Боря двинулся следом, другого выхода не было. Соображая, где бы раздобыть молоток и лопату, чтобы после столпотворения проделать дырку в стене и выбраться из-под песка.

Нижнее помещение пузырястой пирамиды, куда привел парня Гнор, походило на зал с колоннами, высотой сантиметров восемьдесят и метров восемь в диаметре, с потолком, усыпанным дырками. Весь пол был занят телами засыпающих толстых урзов, но у стен еще копошились самые неугомонные.

– Убирают в кладовки еду, которая пересохла, – сообщил старик с вящей гордостью за свой хлопотливый народец. – Вот и будут у нас запасы на случай неурожая. А ты, малой, марш наверх.

– А где тут лифт? Или лестница?

– Опять несешь околесицу! На первый раз пособию.

Крепкий урз легко поднял тощего и направил вверх головой в отверстие в потолке. Оказалось, там круглая комната, на полу храпят горожане немного потоньше старших.

– Вверх, вверх! – забурчали усталые, завидев малого урза.

Борис подтянулся на шлангах (или все-таки на руках?), встал на пол и огляделся. Дыра над ним вела выше, и другой бы полез искать свободное помещение. Но наш герой не таков! Сразу заметил в стенах пролазы в соседние комнаты и понял: а пирамида, по сути, большой муравейник. Наконец,

появилась возможность не спеша взглянуть в лица спящим! Не лёгонькое решение, если вспомнить: прошлую ночь пацан спал пару часов, гонял кровожадных цикнотов. И малыш Мурзяка был жив... Как это было давно! В другой, предыдущей жизни...

Но пацан уже сознавал, что каждый час на Мурзлингере приносит новые беды, способные навсегда разлучить пятерых землян. Умных, сильных в собственном теле, ослабевших в чужих обличиях. Что в неустанных поисках дорогих любимых Арсеньевых нельзя опускать ни единого, даже самого малого шанса, невозможно терять ни минуты. В любой момент будет поздно.

«Как я догадаюсь, если друзья окажутся рядом?» – задал парень немой вопрос коварному похитителю. Но ответа не получил. «Я должен искать среди ровесников? Они все «рождались» со мной в один день и в той же пустыне? Или вы поместили сознания в урзов, геров, ингов и злингов?»

Тишина в голове. Удручающая. Пацан постоял минуту, с тоской понимая: брошен на произвол судьбы, без подсказок и без поддержки. И пошел не вверх, а кругами по спальням второго яруса. Шестого... восьмого... десятого... Неустанно твердя: «Я – Буланов!» Получая в ответ толчки, бормотания и ругачки. Когда добрел до последней пустой комнаты на верхотуре, свалился с ног как подкошенный. И надолго жадно заснул.

* * *

Тишина, темнота... Голодные, перепуганные детишки не известных науке разумных устали кричать и плакать, нахохлились, стоя спят. Где она? Ответ прост и страшен – на не открытой планете, в плену у злобного сфинкса.

Каким образом, кто перебросил ее сознание в птицу? Их сознания..? Папы и мамочки? И бабушки? И Бориса? Они живы? Да, да! Надо верить! Это был захват корабля? Или захват рассудков?

Память медленно возвращается, выдавая минуты прошлого кусками бессвязных пазлов...

Было жарко... Вроде, в пустыне...

И зябко во льдах пещеры, искрящейся сталактитами...

Они вырвались, взмыли в небо, неумелые белые птицы! Кто-то падал безвольными камушками, но внизу метались... орлы? Ловили малюток ловкими человеческими руками, кричали: «Машите крыльями!», подбрасывали, следили... А сверху черная ведьма с растрепанной шевелюрой, с крылами летучей мыши, кружила над белой стаей, гнала в Изумленное озеро...

В манящие теплые воды, отражающие закат, где смеялись, прыгали девочки... Она тоже ... Но кто-то схватил, поволок на дно, в мутный омут...

Дверь скрипит, входит толстый и черный, слепит глаза фонарем, следом три подросшие девушки. У каждой в руках сверкают смертоносным оружием лезвия остроконечных

ножниц.

– Девочки, не пугайтесь, – говорит белолицая, главная, а сама косится на черного и явно его боится. – Мы подрежем вам перья на крылышках, это совсем не больно. А потом вас покормят, и каждая получит на день работу. Понимаете? Если делать, что прикажет наш господин... Наш добрый, великодушный, сиятельный Пикарид, будет все хорошо. Подходите. А то нам совсем не хочется вас ловить, удерживать силой...

Но дети не верят, жмутся в каменные углы. Кто-то тихо испуганно воеет: «А вдруг нам отрежут голову?»

– Эй, девчонка Арсеньева, струсила? – кричит чужеродный, скрытый стеной слепящего света. И машет... не фонарем! Боевым оружием, бластером! Палец выше – и бедные птички загорятся, осядут на пол комками серого пепла... – Хватит прятаться, выходи!

Лизавета сжимает ладошки товарищей по несчастью:

– Я ничего не боюсь!

И делает шаг в неведомое.

Очень просто и гениально

Горячий луч впился в щеку. Борька открыл глаза, растерянно заморгал, возвращаясь из теплой каюты сверхмощного звездолета в нереальность происходящего. Оказалось, что восьмирукие строители пирамид в швах оставили много щелочек. «Для света и вентиляции», – сообразил спросонья. И сразу почувствовал слабость. Его длинное тело, вчера бывшее карандашом, превратилось в тонкую проволоку! Пацан с трудом приподнялся, едва шевеля двенадцатью руко- и ного-шлангами. Голова противно кружилась, кружились стены и пол заостренного мезонина. Воистину, прав был Гнор: не способны аборигены на разведки и переходы, слишком быстро слабеют и сохнут.

Но инстинкт не позволил урзу предаваться печальным раздумьям, гнал вниз, на Сытую площадь.

– Ого, пересох! – вскричали бодрые повара. Они резали горы снеди каменными ножами, посиживая в тенечке. – Подходи сюда, не стесняйся! Здесь прохладней и листики сочные.

– Я – Борис с планеты Земля... – прошептал пацан, ни на йоту не рассчитывал на удачу.

– Мы знаем! – звонко откликнулись несколько голосов и заливисто засмеялись. – Про тебя уже рассказали, всю ночь бродил, спать мешал!

Замечание имело целью пристыдить бестолкового малого, заставить его уважать чужой сон и обычаи города. И будь пацан в своем облике, от стыда провалился б под землю. Но практичный урз догадался: «Про меня говорят! Это здорово! Вот это уже удача! Получается, скоро весь город узнает про чудака, других развлечений нет. Что придумать, чтобы я стал замечен и знаменит, выделялся среди окружающих? Как они отличают друг друга?» Ответы не находились, все лица казались схожими. Борис натолкал обе щеки, поблагодарил поваров тяжелым кивком головы и бессильно скатился с тропинки к живительным водам озера.

Полчаса урз балдел, затягивая воду всеми порами кожи, с удовольствием ощущая возню мягкокрылых жучков, заменивших крепкие зубы, и снова разбух до крепкого гибкого карандаша. Удивительно, у него появился мягкий затылок. Маленький, словно Луна в последней ущербной фазе, но мальчишка с волнением решил, что мозгов у урза прибавилось. Он станет сообразительнее и легко решит все проблемы.

Прилив сил подсказал новый подвиг: скорее надо забраться на высокую пирамиду, тогда он увидит всех. Узнает, найдет Арсеньевых на расстоянии взгляда! Очень просто и гениально! Парень сразу бросился в город и, хватаясь за жесткие иглы переродившихся мурзов, полез по крутой стене. Оказалось, это не трудно для проворного существа с двенадцатью зацеplялками. Скоро Боря стоял наверху, обкрутив но-

гами колючки, и орлиным взором окидывал панораму до горизонта.

Сразу вспомнил: когда семилеток, прикативших со всей страны с мамочками и папами, отбирали в первый класс школы будущих космонавтов, мелюзгу подняли на крышу двадцатиэтажного здания. И велели идти над улицей по разболтанной галерее из сверхпрочного, но прозрачного титанового стекла. Слышался звон и трески, и грохот, будто осколки сыплются на дорогу. Очень многим тогда почему-то расхотелось стать космонавтами. Доходило до слез, но плакали в основном тщеславные бабушки.

Худенькая девчонка с зеленущим распахнутым взглядом решила вопрос основательно: зацепилась Борьке за руку, зажмурилась и проскочила за мальчишкой не отставая! И спасибо сказать не подумала, убежала хвалиться Анвановне. Потом ребятки бегали, крутились на тренажерах, ныряли в бассейне с тумбочки, погружались на глубину. И каж-

дое испытание выявляло трусишек и слабеньких, и каждый день в зал с приборами и придиричивыми врачами приходило меньше народа. А Борька краешком глаза следил за малявкой: справится?

Потому что в момент, когда горячие тонкие пальчики обхватили его запястье, и пацан повел незнакомку в гудящую пустоту... А покатый настил раскачивался, и пропасть внизу затягивала... И казалось, неверный шаг – повалятся вверх тормашками, сквозь свист ветра, на узкий асфальт с игрушечными машинами... В ту минуту мальчик поклялся навсегда ее защищать.

И ждал повода. И надеялся: испугается, подойдет, опять ухватится за руку...

Но дочь космонавтов Арсеньевых оказалась крепким орешком. Упрямо сжимая губы, с отличными показателями, переходила от открытого стадиона к бассейну и тренажерам. Красиво, быстро писала, просчитывала в уме задачи по астрономии, физике, математике почти за четвертый класс!

С тех пор и пошло их тайное бесконечное соревнование. Булан стал одним из лучших учеников потока и ни капельки не расстраивался, если Вадик или Карим выполняли учебный тест в имитаторе звездолета на полсекунды раньше. Но стоило Лизавете отличиться!.. Боря страдал. Не из зависти. От досады. Она сумела! Опять! Победила на олимпиаде. Прыгнула с парашютом. Подарила школе плавучего робота

Карафида с голубым лицом аквароида⁴, которого привезла с планеты Акваум мама. И ни разу не испугалась. И ни разу с памятной встречи изумрудный распахнутый взгляд не просил мальчишку о помощи.

Вот по этому поводу Борька беспричинно часто сердился. И, бывало, даже дразнился. Но тайну не доверял ни товарищам, ни отцу, ни школьной психологичке, что писала характеристики будущих звездолетчиков, на Булана смотрела въедливо и как будто о чем-то догадывалась.

⁴ Гуманоиды – похожие на человека разумные существа, населяющие Вселенную. Аквароиды – похожие на гуманоидов разумные, проживающие в глубинах вод.

Валентина Карповна, Хмурилка, школьная психологичка

Что б сказала Хмурилка сейчас, доведись ей увидеть восемь «резиновых» руко-шлангов? Растерялась бы на Мурзлингере. Еще бы! Вбивать детям в головы разумные рекомендации в кабинете в мягоньком креслице и обозревать

просторы чужой опасной планеты – совсем не одно и то же.

Пацан усмехнулся, пожалуй, впервые осознавая свое превосходство над взрослой. И внимательно огляделся.

В стороне, где восходило солнце, простирались большие дуга. По траве ходили стада, опасных гигантских ингов, о которых рассказывал Гнор. С виду это были быки, могучие и мясистые, с львиной шерстью на мощных загривках, с устрашающими рогами, с неестественно плоскими мордами. Борис не видел подробностей, но копытные странно питались: они садились в кружок, словно люди на пикнике, и не рвали траву зубами, а, представьте, передними лапами! И не сразу несли в рот пучки – а будто бы разговаривали! «Неужели, новые сфинксы? Жестокие и разумные!»

От этой догадки стало неприятно до отвращения, под горячим солнцем пустыни холод пошел по коже. Парень понял: он в самом деле заперт на островке, крошечным по сравнению с необъятной чужой планетой. О если б он мог летать!

Дома Боря легко справлялся с управлением лавито, отцовского летучего автомобиля, два раза был победителем в школьных авиоралли – спортивных соревнованиях на маленьких самолётах. И даже в тринадцать лет получил на Брутэлло корочки спасателя-астропилота.

Но что толку от многих умений, развитых цивилизацией, если бегаешь голышом в непонятном каменном веке! Если до гор, поросших высоким девственным лесом, до реки,

несущей тяжелые, широко разлитые воды, многие километры, и добраться никак невозможно!

Мальчишка скрипнул зубами (фантомными, к сожалению) и решил: «никак невозможно» – жалостное понятие. Отныне подобным фразам не место в его словаре. Да здравствует: «Я могу!» Пускай не сейчас. Он подумает и что-то изобретет. Сумеет уйти от озера, если здесь не разыщет Арсеньевых.

Парень взгляд перевел на группы коричневых работяг на вершине и склонах холма, но и здесь его ждал облом. Сразу понял: урзы работают, выбирая места в тенечке. Получается, многие скрылись от «всевидящего орла» за деревьями и пирамидами. «Но солнце перемещается, и работники перемещаются. Я всех увижу по очереди. Надо только набраться терпения, пересидеть жару, не пропустить ни единого. Их немного, несколько сотен. Тем более, когда урзы поднимутся вечером в город, я запрыгаю, закричу, все уставятся на меня, и я рассмотрю лица каждого».

Чудесный план. Но прошло каких-то сорок минут... И рыбаки, ныряющие за озерной живностью с лодок, и садоводы, цепочками подающие воду наверх в тяжелых белых кувшинах, и гончары, лепящие чашки-плошки пальцами-щупальцами без земного гончарного круга, и строители, и метельщики, и смешливые повара закружились перед глазами... Сердитое солнце стукнуло верхогляда по голой маковке, и слабое тельце урза полетело к земле, цепляясь за остренькие

колючки. Пацан потерял сознание и повис, как тряпичная кукла в театре у Карабаса, на самом на солнцепеке.

Этот день проживаю не зря!

Так могла закончиться повесть, печально и неожиданно. Но старый Гнор, занимаясь выделкой новой лодки, поглядывал время от времени на вершину, куда забрался его беспокойный друг. «Ах ты шалый, ведь навернется!» – переживал старик. Но воспитательных мер предпринимать не стал – жизнь сама таких воспитает.

И когда Борька вдруг покатился по опасным буграм пирамиды, безвольно и молчаливо, старый урз кинул каменный нож и бросился по откосу, по-собачьи перебирая двенадцатью гибкими шлангами. Забрался ловко на стену, снял парнишку, отнес к озерцу и бросил в теплую воду. Здесь у урзов была и больница, здесь и реанимация.

Как вы уже поняли, эти почти деревянные люди, словно наш Буратино, не тонут. Потому старик преспокойно вернулся к своим обязанностям, а Борис второй раз за утро вернулся почти с того света.

Опять над ним разливались веселые пестрые радуги, и парень с досадой думал, как катился вниз по стене, задирая руки и ноги, и как тыкали пальцами лодочники, обмениваясь остротами. Он уже собрался уплыть, не здороваясь и не прощаясь, но вдруг взгляд зацепил... Пласты превосходной древесной коры, почти березовой, белой, валялись на влажном песке без укладки, без сортировки. Бригада судострои-

телей азартно смолила лодку и затаптывала ногами бесценный материал.

Нет, такого счастливого случая Борис упустить не мог. Окунулся, поплавал и вышел в тенек могучего кактуса, фиолетового, ребристого, с дуплом, из которого щедро протекала смола.

– Добрый день! – промолвил с достоинством.

– Я Борис с планеты Земля! – подхватили младшие урзы, толщиной с тепличный огурчик.

А зрелый урз, с баклажан, сурово взглянул и добавил:

– Имя дается новенькому, когда его оставляют в нашем городе боги. Или не дается совсем.

– Но я уже здесь!

– Неизвестно. Боги волю не объявили.

– Да ладно, – пацан решил не спорить о небожителях. – Могу я спросить, каким образом вы используете кору?

– Ее берут огородники. Укладывают на грядки, чтобы не испарялась вода, и не росли сорняки.

– Всего-то! А посмотрите, из коры можно сделать много интересных и нужных вещей.

Пацан выбрал самый чистый прямоугольный лоскут, сложил пополам, аккуратно склеил смолой бока и водрузил на маковку:

– Получилась отличная шапка, чтобы солнце не припекало.

Изобретение было встречено дружным хохотом. Даже

Гнор добродушно фыркнул и покачал головой.

– А еще вы можете делать простенькую одежду. Например, вот такие рубахи. Одолжите, пожалуйста, ножик, – обратился парень к точильщику, сидящему чуть поодаль.

– Дарю, – отозвался урз, представление его забавляло. – Выбирай себе камни востреннее, я для этого и работаю.

У черных ног на песке лежали ножи, топоры, скребки, крючки и зубила. Все каменные, с удобными деревянными рукоятками. Похожие инструменты бабушка-археолог доставала из недр Сахары и показывала внучонку, когда мама с Борей летали в кругосветное путешествие. Отсюда, кстати, и знания о коварных песчаных бурях.

«А нет у вас медных, железных, серебряных или бронзовых?» – чуть было не ляпнул Борька, но вовремя прикусил не в меру длинный язык. Он выбрал легкий топорик с короткой удобной ручкой и три крепких длинных ножа. Такие четырехгранники наш пращур вставлял наконечниками для деревянных копий. Но, похоже, урзы не знали ни настоящей охоты, ни кровопролитных войн.

В Сахаре Боре встречались кочевники на верблюдах, не желавшие приобщаться к удобной цивилизации. Эти люди носили накидки, похожие на половички, с узкой прорезью для головы, с загнутыми низами, образующими карманы на животе и спине. А если склеить бока и уменьшить прорезь карманов, чтоб ничего не вываливалось – получится супер-рубаха! Спасаящая от солнца! Позволяющая носить все

свои запасы с собой! Выделяющая человека среди сотен голеньких урзов.

Не прошло десяти минут – и пацан предстал перед зрителями в белоснежном жестком наряде, а лодочники попадали, хватаясь за животы, надрываясь от развеселого безудержного повизгивания. Борька сам понимал: похож на огородное чучело, но моднявые ивонки⁵ с чуйсами⁶ почему-то остались дома.

Парень сел, переждал доказательство нечаянной популярности, и показал, как можно смастерить простецкий стакан. Если полоску коры склеить короткой трубкой, а ко дну приделать кружок, получится очень удобная посуда под молоко. Такой стакан должен быть у каждого умного урза. Его надо мыть и хранить в кармане своей рубашки. А иначе можно нарваться на какую-нибудь инфе... Заболеть, умереть, одним словом.

⁵ Ивонки – мужские и женские брюки, вошедшие в моду за шорзами, вошедшими в моду за портианками, вошедшими в моду за джинсами.

⁶ Чуйсы – мужские сандалии с раздвоенными носами.

Так примерно выглядит Боря в облике урза.

Но помните, что у урза «всего» четыре ноги и восемь рук без ладоней.

– Что такое бореть-помелеть? – с опаской спросил старик.

– Ну, когда я упал, заболел.

– Потому что был без стакана?

– Без воды, без одежды, без шапки. А подумайте, если склеить другой, большущий стакан, – Борис начертил на песке, – а сверху приделать ручку... – парень окинул взглядом материал вокруг лодки, – из прочной лианной веревки, будет у вас ведро, легкое и удобное. Огородники меньше устанут, поднимая воду на гору. А если, когда надумаете пробираться через долину до большой широкой реки, ее хорошо видно сверху...

Картинка: два острова, озеро, на востоке река с волнами.

– Возьмёте с собой много ведер, заполните все водой, таким образом не засохните.

На новом изображении, довольный урз мок в посудине. Это лодочников озадачило. Не то, чтоб кто-то планировал аварийную эвакуацию, но все новое интригует.

– Я толстый, не уберусь, – с сомнением заметил Гнор.

– Для бывалых людей можно сделать повозки из ваших лодок, если к ним приспособить колеса. Колесо – это крепкий кругляш, вырубленный из дерева, крепится на оси. В лодках много воды увезете, вот и будете мокнуть по очереди. У реки колеса открутите, поплывете на юг или север, куда

душа пожелает. На берегу найдете безопасное сытное место, постройте новый город.

Рисунки один за другим ложились на влажный песок.

– Ты позабыл про ингов, – заметил сердитый лодочник, толщиной с баклажан. – Злые инги поделки раздавят и от нас ничего не оставят.

Боря не забывал. Он напряженно думал. Сначала представил шеренгу урзов с горящими факелами. Может быть, огонь отпугнет быкоподобных сфинксов? Потом понял: островитяне до сих пор не знают огня. Или знать его не хотят. Потому что сами горючие. Хорошо было нашему пращуру приручать горячий цветок: обжегся и поумнел, впредь будет поосторожнее. Человек почти не горит, урз вспыхивает мгновенно. Боря этого не видал, но все равно догадался.

– Похоже, инги разумные? С ними можно договориться? В сторону отойдут и нас до реки пропустят.

– Договариваться? С животными? Ступай на дойку, калякай, а мы издали полюбуемся.

Это глупое предложение совсем осрамило Борьку и все его изобретения. Бригада взялась за лодку, а парень сложил в карман топорик, ножи, веревку – кто знает, вдруг пригодятся? Подумал, отрезал длинный белоснежный кусок бересты, свернул рулоном. На нем напишет самое главное, что может утратить память, когда найдет, чем писать.

И Боря ушел печальный, с прискорбием понимая: знания цивилизации не дают ему в каменном веке заметного

преимущества. Аборигены держат космонавта за болтуна, весь город над ним потешается. Может быть, бессмысленно вдалбливать в примитивный, не развитый мозг открытия, до которых постепенно сами додумаются? Если выживут после бури.

Кстати, буря... Он мог бы сбежать, если очень бы постарался, затаился в лесу в одиночестве. Но вдруг здесь погибнут Арсеньевы? Развивающимся яснознанием, парень *чувствовал* близость друзей, *видел* Лизу, просящую помощь. Потому оставался на острове.

Но сегодня шквала не будет. И птички поют, и слабенький, разомлевший в жаре ветерок ласкает горячие щеки. И пустыня... Пацан оглянулся. Тонкий лодочник не работал. Напряженно смотрел на рисунки, обдумывал, запоминал. И Борис с тайной гордостью понял: «Этот день проживаю не зря!»

Спортивный зал «Супермена» – не лучшее место для встречи босса и подчиненного. Но вонючий циклот... Упс, как там? Величайший Гений Вселенной проверяет спортивные качества захваченного Буланова, намеренно унижает пернатого Пикарида. Мальчишеская фигурка в спортивном белом костюме раз за разом взлетает в воздух, отталкивает ногами упругую сеть батута, крутит дерзкое сальто-мортале. Отвратительно.

– Великолепно! – Мурзлингер прыгает на пол, от избытка юной энергии крутится колесом. Встает на весы, проверяет давление с сердцебиением: – Хоть бы что! Ай да парень с Земли! Мои доктора протестировали новеньких с «Супермена». Отличные показатели. Каждого, если надумаю, можно будет легко продать. Очень выгодно, даже бабку.

Толковая мысль. Но радостное веснушчатое лицо и звонкий голос подростка раздражают черного гера.

– Сомневаюсь. – Пернатый отводит полуприкрытый взгляд в самый далекий угол. За завесой мальчишеских глаз прячется ум стервятника. Нельзя допустить, чтоб Мурзлингер читал в его голове, словно в открытой книге. – Пропавшие слишком известны. Их ищут отряды спасателей, добровольцы, космополиция.

– Когда нас это смущало? На Гуцонде и Офакризе гуманоидов разбирают в частные зоопарки, устроим аукцион.

У Пикарида руки покрываются липким потом. Черноперый сфинкс распрямляется и горделиво скрещивает на груди тяжелые мускулы. Но ладони прячет подмышками. Когда Мурзлингер связался с криминальными коллекционерами, похожими на крокодилов? Кого еще предложил? Почему открыто рассказывает? Будто каверзно намекает: «И ты, мерзавчик, брыкаешься в моей безраздельной власти. Что хочу с тобой, то и сделаю!»

– Эй, о чем задумался? Брось! Все равно меня не передумаешь. Вызываю на бой!

Мальчишка скачет пред Пикаридом, закрывая лицо воинственно сжатыми кулаками. Это вроде бы бокс? Забава турых драчливых землян? Да я тебя одним пальцем... Вдруг – бац! Накаченный сфинкс летит безвольным мешком через плечо подростка! И бухается на спину, неловко раскинув лапы.

– Рехнулся? В боксе бросок?

– Хоть подсечка! Мой принцип – победа, а не возня по правилам!

Борис-Мурзлингер хохочет, не весело, с наглым вызовом, сквозь земное лицо проступают гаденькие черты обрюзглого маракаса.

– Славенький организм, фонтанирует радостью юности! Никогда так в жизни не прыгал! Зачем его продавать? Оставлю себе.

Пикарид не спеша встает, отряхнется:

– Не советую, не солидно. Воротилы Большого Космоса не станут вести дела с сомнительным недоростком.

За практичным советом кроется желание отомстить, спихнуть драчливого Борьку в зверинец гуцондского крящера. Чем скорее, тем лучше. О мести виновнику всех проблем он подумает в отдалении, потом, в закрытой пещере.

– Узко мыслишь. – Мурзлингер запрыгивает на беговую дорожку. Ни на миг не сбивая дыхания, набирает темп, сыплет доводами: – Мне мальчишка будет полезен для возвращения молодости. Чем шустрее мускулатура, тем активней

работает мозг – взаимосвязь доказана. Да и сам по себе волчонок, если вдуматься, перспективный. Наследственный астронавт, единственный отпрыск Булановых, знаток бортовой мозготроники звездолетов Земли и Брутэлло. Несмотря на щенячий возраст, допущен к самостоятельному управлению кораблями, уже награжден медалью «За спасение экипажа». Айтишник высшего класса. Побегает по пригоркам, набьёт шишек и успокоится. Со временем приручу. Захочет вернуться в тело – станет моим помощником. И Арсеньев баб не отыщет. Два-три раза умрет-воскреснет – сообразит, где лучше. Мне пилоты нужны.

– А мои...

– Твои свистуны поглупели! – Жесткий взгляд откровенно копается в мозгах вспотевшего сфинкса. – И у тебя под перьями бывшая сноровка выветрилась. О мелких мошенствах думаешь, о нищенской местной торговле.

Взгляд смягчается до презрительного. Пикарид переводит дух и как можно более глупо, угодливо улыбается.

Лицо «Вершителя судеб» проступает еще сильнее сквозь мальчишеские веснушки:

– Помни, предупреждаю – не протягивай когти к новеньким! Кстати, к девчонке тоже. Блок контроля сознаний не находят ее на острове. – Опять рентгеновский взгляд. Чёрный гер пожимает плечами. Впрочем, на «вздорных бабах» Вершитель не заморачивается. – Хочешь взглянуть на Арсеньева? Экспонат экстра-класса.

Мурзлингер выходит и возвращается в теле... Мощного маракаска, зеленовато-бурого, с оголенным бугристым черепом, узким поджатым ртом. Маленькие глаза прячутся под тяжелыми полуприкрытыми веками, переломанная переносица выдает опасное прошлое. Баранда Брокура, покачиваясь после долгих недель неподвижности, подходит к железу, играючи поднимает пудовые гири.

Сфинкс раздавлен. Смотрит на собственное недостижимое тело... Его тянет к нему, пальцам хочется прикоснуться к бицепсам-трицепсам... Но нельзя. Ответный удар переломает челюсть. Без приказа Мурза – кулак сработает автоматически. На уровне агрессивной подсознательной настроженности.

Бывший космопират осторожно отходит в сторону. И делает вид, что слушает болтовню о необходимости поднимать «свистунов» из карманов, каждому задавать усиленную нагрузку. И даже о благотворном влиянии импульсов Гения на извилины поглупевших в чужих телах подчиненных.

– Почитаю за честь... Благодарствую... – цедит сквозь зубы сфинкс.

А сам исхитрённым, раздвоенным под пернатой шапкой сознанием, пытается догадаться: о чем молчит скользкий тип? К чему этот цирк? Выбирает новую оболочку? Ясно, женщинами побрезгует, а присвоить Брокуру может...

Пикарид уходит озлобленный по мерцающим коридорам

пленного корабля. Мурзлингер что-то меняет. Но что? Сохранит жизнь соратникам? Или погубит вместе с не нужными, отработанными?

Буланова надо выловить. Изолировать за толщей камня. Девчонка-гера поможет, она и станет приманкой.

Встречный робот выносит из склада открытый короб с мозгютерами. Гер «нечаянно» дергает крыльями, короб падает, легкие кубики высыпаются и отскакивают.

– Прошу простить за неловкость. Надеюсь, вы не ударились? – бесхитростная железка наклоняется, собирает...

Крыло замечает мозгютер, руки прячут в сумку на поясе. Дело начато. Стравим Буланова с вероломным шакалом Мурзлигером...

Я влип по самые уши. Какую казнь мне придумают?

Теперь, в небывалом прикиде, Борька стал виден всем. Чем и решил воспользоваться. Забрался на холм и двинулся осторожно меж узких грядок, разделанных на террасках. Этого бы хватило, чтоб его заметили многие. Чтоб прибежали пощупать невероятное платье, с любопытством пошарить в карманах, примерить шапку-панамку. Но Борис усилил эффект. Он запел прекрасную песню, любимые всеми Арсеньевыми.

Тут надо сказать, пацан с семейством Елизаветы путешествовал не случайно. Полгода ребята жили на далекой планете Милене, которую космопроходцы готовили для заселения⁷. Но потом родителей Бори перевели на Бьянку, кишачую грозными хищниками, а Арсеньевым предоставили на Земле коротенький отпуск перед новым опасным заданием.

Вся компания отдыхала в живописном поселке Радужное, у хрустального синего озера. Оказалось, Арсеньевы любят и поют народные песни. Сядут, бывало, вечером после жаркого дня на крылечко, тут Виктор, большой, круглолицый, с коротким взъерошенным чубчиком над прищурами добрых

⁷ О приключениях Лизы и Бори на Милене и других опасных планетах, мы рассказали в книжке «Л+Б. Сокровища Скорпиона».

глаз, вдруг заведет приятным оперным тенорком:

Вдоль по улице метелица метет,
За метелицей мой миленький идет;
Ты постой, постой, красавица моя,
Дозволь наглядеться, радость, на тебя!

В этом месте мальчишка смущался, ему постоянно мерещилось: отец намекает на дочку, на Борькино к ней отношение, тайное и растрепанное.

А когда доходило до главного: «Красота твоя с ума меня свела, иссушила добра-молодца меня», Борис краснел, отворачивался. И все-таки замечал: дядя Витя поет тете Лене. Он опять признается в любви, через тридцать лет после встречи. И маленькая Елена, белокурая, тихо-улыбчивая, замерев, сияет от счастья. И из глаз у них льется свет, вроде личный, но согревающий, ласкающий всю компанию. И любимую доченьку Лизоньку, и бесценную мамочку Аню, и вихрастого друга Борю. И было так трепетно-радостно внутри этого теплого света, что пацан не стеснялся и пел, подражая мальчишке Лоретти⁸, итальянские чудные песни. И соседи, что проходили по своим делам, останавливались, садились в саду и слушали, и усталые лица светлели...

⁸ Робертино Лоретти – итальянский певец, прославился в подростковом возрасте. В середине 20-го века, голос чудесного мальчика звенел во всех радиоприемниках мира. Вторая волна популярности настигла Лоретти в начале 26-го века.

Кому теперь до веселья? Но когда услышат Арсеньевы на инопланетном острове земную раздольную песню, все бросят и прибегут! Как он раньше не догадался?

Борис попробовал ноты, промурлыкал под нос: «До... ре...ми...» И уже смелей: «Ля-си-до!» И сам себе поразился. Нарочито или нечаянно, коварные похитители сохранили парню дискант, звонкий, густой, насыщенный переливчатыми звучаниями. Ну, была не была! Малый урз веерами раскинул руки, чтобы воздух, несущий звук, выходил свободно и звонко, и над островом полилось, радостно и взволнованно:

О синие выси! О вольные птицы!
Полет ваш могучий ночами мне снится.
Я с вами, с ветрами в пространствах парю
И взмахами крыльев пронзаю зарю!⁹

И работники распрямились, и оставив тяпки-лопаты с восторженным удивлением воззрились на малыша, идущего по огородам в дурацких белых надевках. Урзам многого не дано. Они не умеют петь, не знают веселого отдыха под гармонику, гусли, трещотки, не танцуют ночь у костров, а спят как поленья в сарае.

Но вдруг оказалось, эти почти первобытные «люди» умеют внимать прекрасному. Раздольная песня, созданная меч-

⁹ Здесь и далее стихи Валерии Василевской.

тательным человечеством, затронула души урзов. И они пошли за певцом, потянулись цепочками между обработанных черных земель, сбегались с улочек города. О если бы Боря знал! В этот миг он казался слушателям спустившимся с тучки ангелом, исторгающим сладкие звуки, волшебные, невероятные!

А пацан, торжествуя и радуясь, повел благодарную публику по откосам зеленого острова. И пускай ни слова о грезах российского космонавта никто в округе не понял, разве это самое главное? Сладкопевцу чудилось: он превращается в легкий лучик, поднимается к ясному солнышку! И скоро увидит всех обитателей Южного острова! И каждый увидит его!

О гордые птицы! Спуститесь, примите

Меня, человека, в иную обитель!

Я руки в бездонные выси тяну

И с вами, с ветрами в просторе тону!.. —

доверительно вывел пацан и сильнее зажмурил веки. Аплодисментов не последовало, последние звуки таяли, дрожали в кристальном воздухе. Борис отворил глаза, освобождаясь от чар льющейся в сердце музыки...

Еще никогда его грезы так скоро не воплощались. Он летел! В самом деле, летел! А остров внизу уменьшался! А на склонах застывшие урзы покорно склонили головы, сложив

руки-шланги елочками! А сверху смотрело черное мужское лицо птицы-сфинкса с узенькой бородой!

Нет, парень не испугался. Он не зря часами оттачивал правильную реакцию в школе будущих космопроходцев. Шланг мгновенно юркнул в карман, выдернул нож и шаркнул сфинксу по жесткой руке! Фонтаном брызнула кровь! Хищник дернулся, выкрикнул: «Сванч!» и выронил пацана вместе с другими пленниками.

Пикарид остался с носом

Оказалось, почти невесомое телосложение урза способствует мягкой посадке. Малыши упали в траву и тут же вскочили, согнулись в той же покорной позе. Но сфинксы

уже улетали с ограбленных островов, белоснежные, черные, алые, унося в каждой сильной руке, в каждой когтистой лапе по два-три тоненьких урза.

– Это я вас освободил! – назидательно молвил Борис, демонстрируя красный ножик. – Носите одежду с карманами – и будете во всеоружии!

– Это он виноват! Это он! – закричали в ужасе дети и бросились к старшим товарищам.

Что тут началась! Толстяки повернули головы к Боре, их лица наполнились страхом, гневом и отвращением. Смятенный разрозненный шепот перешел в гортанные крики:

– Смотрите, на нем кровь бога!

– Он проклят! Он воспротивился великой воле богов!

– Судить его!

Землепашцы, что минуты назад восхищались переливчатыми руладами, взяли парня в кольцо и двинулись возмущенной галдящей толпой. Да, они ругались-грозились, но не бросились с кулаками на поправшего древний обычай, не отобрали ножики, не завязали руки накрепко за спиной. Возмущённые урзы вели Бориса на суд Бессмертного. Парень мог бы схватить топорик и в битве добыть свободу. Но нет! Не станет курсант школы будущих космонавтов вредить безоружным жителям первобытной планеты. И здесь могли быть Арсеньевы.

«На Земле за богов, бывало, сжигали-четвертовали, – всплыло в мозгах мальчишки. – Нас учили держать уважи-

тельный молчаливый нейтралитет по отношению к чужим верам и убеждениям. Я влип по самые уши. Какую казнь мне придумают?»

Ты не один, мужайся!

А впрочем, сказать по правде, не очень переживал. Громкий суд – это, если подумать, известность на оба острова. Как только друзья услышат: Борису грозит опасность!, вмиг сбегутся, узнают друг друга и вызволят арестантика. И будет Елизавета на Земле ходить победительницей, курносый нос задирает. А Борис тихонько посмеиваться: это я вас организовал!

Дом жреца оказался приземистой пирамидой из черных камней, похожих на угольный кварц – полудрагоценный камень. Пацан не раз замечал согбенного старика, худого, подслеповатого, отдохавшего в мягком «кресле», увитом цветами и листьями. Оказалось – это и есть Бессмертный, Всепроницательный, Трактующий Волю Мурзлингера.

Уже на подступах к домику урзы утихомирились, отхлынули в обе стороны, выставив нарушителя с глазу на глаз с Трактующим. А сами склонили головы и руки сложили елочками. И ни слова. Минуты четыре продолжался обряд молчания. Сначала Борису стало щёкотно и смешно (откуда взялась щекотка?), потом стыдно и как-то неловко. Казалось, горячий воздух сгущается, мелко дрожит, пронзенный неуловимыми электрическими разрядами. А старик вдруг стал подниматься, медленно и величественно! И вот уже возвышается над склоненными верноподданными! Борька голо-

ву вверх задрал (кланяться не приучен), чуть было не опрокинулся. Тонкостанный суровый жрец громоздился лихим Гулливером над урзами-лилипутами!

– Мой народ опасается гнева оскорбленного Пикарида! – покатилося над головами. – Вы трепещете наказания перед великим ветром! Знайте, этого не случится! Могучие боги не бросят островитян в беде, завтра вновь прольются дождем, долгим и благодатным!

– Слава, слава великим богам! Слава доброму Пикариду! – прошумело в толпе долгим вздохом умиления и облегчения.

– Повелеваю: сей урз, что себя называет Борисом, встанет утром на пирамиду и будет смиренно ждать милости или кары. Не нам принимать решение за Премудрых и Окрыленных! Не нам наказывать малого за нелепую непокорность! Да сбудется завтрашний день! Да прольется он благодатью прохладного тихого вечера!

– Да сбудется день и вечер! – подхватили молитвой урзы. О большем они не просили.

– А сейчас Борис сладкозвучный усладит наш слух новой песней! – неожиданно выдал старик. Наклонился, опутал парня холодными сильными шлангами и легко водрузил на ближнюю высоченную пирамиду!

– Ты не один, мужайся! – И как будто бы... подмигнул незрячим выпуклым глазом?

Секунду Борька стоял в недоуменной прострации. Что это

было? Обычное увещание старшего младшему? Или... Всепроницательный, в самом деле, его раскусил? Распознал в теле урза землянина? Неужели это возможно? А если он сам с Земли? Или с другой планеты? Боря глянул вниз, но старик уже сидел в мягком кресле, крошечный и согбенный. Немыслимо...

Но мальчишка мгновенно осмыслил главное: надо искать не только четверых пропавших Арсеньевых. А всех, кто по воле преступников, проводящих страшные опыты, оказался вдруг на Мурзлингере. Лишь вместе они одолеют таинственного врага. Лишь вместе вернутся на палубы оставленных звездолетов.

Внизу волновалось море ожидающих песню урзов, но сколько Борис ни вглядывался, никто не нашел отзыв в сердце. Ну что ж, в толпе могут быть другие люди с Земли или с дружественной Брутэлло. И не только на Южном острове, куда его занесло, но и чуть подальше, на Северном. И среди ингов тоже возможны основательно замаскированные человеки и маракаски!¹⁰

Он должен орать, горланить во все луженое горло общеизвестную песню! А уж ветер подхватит слова, понесет над лугом, над озером, в чуткие уши пленников! Мальчишка оплел колючки, венчавшие пик пирамиды, парочкой ного-шлангов

¹⁰ В период укрепления дружеских связей с Брутэлло, в русском языке произошли изменения: человеками стали называть землян, маракасками – жителей Брутэлло. Население обеих планет объединили в понятие «люди», а не гуманоиды.

и запрыгал, и замахал вертявыми руко-пальцами:

Свырк! Свырк! Свырк! Свырк!
Озель бросель вранк ковырк!
Бранди нослик, окуль есик!
Маракаси, человесик!
Дрынк! Дрынк! Дрынк! Дрынк!
Базель казель франк ковырк!

Эти простенькие стишки, сочиненные на Брутэлло, на Земле вошли в моду, когда лидеры двух планет предпринимали первые неуверенные шаги к межкосмическому сближению. Положенные на музыку, они стали шуточным гимном двух далеких миров гуманоидов. Молодёжь задавала тон. Парни, девушки на площадях включали музыку, ловко отплясывали на руках и пели, как замечательно обрести друзей, что гуляют на звездах кверху ногами.

И урзы вошли в азарт, подхватили «Свырк! Свырк!» и «Дрынк! Дрынк!», неритмично, неловко запрыгали, быть может, впервые в жизни изображая танец. А кто-то перевернулся, забавно задергал ножками! Значит, поняли, в чем особенность оригинальных па! И, круче того, Бориса услышали на Северном острове! Огородники-муравьишки распрямили усталые спины и с любопытством прислушивались: что творится там, у соседей? И даже ленивые инги, спящие под раскидистыми реденькими деревьями, откликнулись на

прекрасное, потянулись неспешно к берегу.

Парень мог устроить концерт, но Бессметный решил:

– Достаточно!

Веселье разом потухло, работники разбегались завершать дневные дела. Борис соскользнул с пирамиды, поспешно соображая, как вежливо подойти к диковинному жрецу, как проверить догадку, что исподволь закрутилась вдруг в голове. Но Премудрый скрылся в домишке из сверкающих черных кварцев, как будто сам намекал: уходи, разговор не желателен.

Пацан потоптался на площади: а вдруг подадут знак Арсеньевы? На их месте, он так бы и сделал. И бежал бы уже, и кричал, раскрывая шланги-объятия! Но подошел повар Чек:

– Говорят, ты советовал лодочникам договариваться с животными? Будешь, выюнош, доить молоко.

* * *

Лиза в облике маленькой геры

Она осталась одна, в пещерке, застланной сеном, оснащенной низким насестом. Очень странно, но крылья, обрезанные, без маховых перьев, дернулись, хвост спружинил, и «птичка» подпрыгнула. Когтистые пальцы ног обхватили удобную жердочку. Так спокойней маленькой гере. Землянка Лиза в смятении.

Ее накормили с подругами немытыми сладкими фруктами, но не заставляют работать. С завязанными глазами провели сто тридцать шагов по изогнутым коридорам. Где-то близко журчала вода, и множество голосов, грубые и писклявые, ударились в высокие своды.

Она сразу стала искать под сеном скрытые люки и прощупывать стены: а вдруг, тяжелый камень подвинется, откроет лаз на свободу? Но сама понимала: туннели, тайные переходы, прокопанные предшественниками, бывают лишь в старых книжках.

Но под мятой травой лежал... настоящий походный мозгютер! Свернутый до размеров карманного кубика Рубика. Но если его открыть – потянуть слегка вверх и в стороны – вспыхнет серебряной глубиной интеллектуальный экран. Голубая акула Алика улыбнется Лизе, помашет лапками-плавниками, и мозг девочки вступит в общение с искусственным мозгом, скрытым за сверхпрочным тонким стеклом. Можно все спросить, все узнать, не открывая рта. Но главное – если ввести код нейронов мозга Буланова (Лизавета представит

запросто двести латинских символов благодаря отточенной фотографической памяти), другу можно будет отправить подробное сообщение! Которое мозг Бориса примет сам, без другого мозгютера. Он найдет ее, он ее вызволит! Не позволит рабовладельцу запираить свободную девушку! И, конечно, придет не один. Вместе с папой, мамой и бабушкой повяжут пройдоху сфинкса. Вернут Лизе облик землянки, найдут звездолет и вызовут космическую полицию.

Победят! Не зря они с Борькой пробирались ночами на кафедру по изучению мозга, куда школьникам вход запрещен, не зря изучали страницы индивидуальных кодов. В страшный год, когда звездолет с Арсеньевыми-Булановыми пропал с мониторов Центра контроля космических рейсов, поклялись найти пап и мам. В пучинах черного Космоса, всегда выручать друг друга, поддерживать связь друг с другом.

Пальцы сами тянут ребро спасительного экрана... Но нельзя, нельзя открывать!

Не может быть, чтоб мозгютер попал в пещеру случайно. Его подложил Пикарид. Нарочно. Чтобы девчонка позвала на помощь своих. Чтоб подвела своих. Если коды нейронов Бори зафиксирует память мозгютера, Пикарид сможет сам отправлять «Лизины» сообщения. Наврет с три короба, каверзно заманит, куда захочет.

Их ждут, готовят ловушку. А она – червячок на крючке. Приманка, ради которой Борис рванет сломя голову, мама с папой пойдут на риск.

Лизавета нежно погладила умнейшую вещь с Земли... Размахнулась, с силой ударила пластик о гранитную стену! Второй раз! Третий! Четвертый! Никакого эффекта – ни трещинки, ни сигнала тревоги. Еще бы! В экспедициях космопроходцы падают с высоты, тонут в море, мерзнут во льдах. Но Алике все нипочем, машет лапкой, спасает жизни.

– Прекращай! Доказала – не дура.

Черные пальцы в трещинах, словно хитин насекомого, сжимают в тиски, выворачивают тонкую руку девочки. Лиза ахает, из ладошки выскальзывает мозгютер. Гадостная ухмылка в окружении бороды склоняется над девчонкой, будто плюет в лицо:

– А ты не айтишник. Вспомнила, что прибор качает инфу в свернутом состоянии, да не знаешь, как защищаться.

Не знает. Контакт с мозготроникой – это работа Бори. Неужели она подвела? Позволила кодам Бори перепрыгнуть в память Алики? Зачем взяла в руки кубик?

Лиза смотрит на черные стены, куда не доходит свет лениво коптящего факела. Теперь ясно, там камера слежки. Надо было сразу понять: это подлая провокация, Пикарид за ней наблюдал. С какой целью? Зачем крылатому, похожему на неграмотного разбойника средневековья, специалист мозгютерщик? Какими путями к жителю неизвестной планеты попала земная умная техника?

Охота на молоко

Солнце плавно клонилось к закату, но жара стояла страшная. Ленивые инги, прельщенные звучными песнопениями, льющимися с небес и вдруг некстати оборванными, в досаде залезли в озеро. Но купаться совсем не любили, намочили спины и гривы и уселись на бережок. Мохнатые, гороподобные полулюди-полуживотные. В самом деле, они разговаривали и гортанно, грозно смеялись, тыча пальцами в сторону острова.

Да, теперь Борис рассмотрел: у могучих «быков» с львиной гривой были пальцы, бороды, «лица», если принять за лицо отвратную морду с широким коровьим носом и большим, от уха до уха, всепожирающим ртом. А рога – востренные пики толщиной с подросток деревце. Ими крепости можно крушить. Пирамиды из мурзов – точно.

– Их доить? А стоит ли связываться?

Разумеется, парень не струсил – сто метров водной преграды надежно спасали урзов от внезапного нападения. Но будущим звездолетчикам внушали с первого класса: «Презирайте бессмысленный риск. Человек – вот самое главное, самое дорогое, что будет с вами в Космосе. Не играйте своей жизнью, не рискуйте жизнью товарищей. Исключение – отважный поступок во имя спасения друга или мыслящего существа на открытых вами планетах».

– Очень стоит, – заверил Чек. – Без целебного молока островитяне слабеют, болеют и умирают раньше сроков.

– А сроки – когда? – осведомился Боря. С видом будто бы равнодушным. Но пацан уже осознал, как важно на уникальном, не очевидном Мурзлингере досконально во всем разобраться.

– Урз обязан погибнуть в бою, защищая младое племя, – наставительно молвил шеф-повар.

Парень в принципе согласился – защита, это по-нашему. Но разве позволит грозный скалоподобный инг тощенькому урзенку дергать его за вымя?

– А на что смекалка дана? Ты умеешь подманивать песней, вот и будешь в нашей компании. Бери чан, разводи кособрод.

И пришлось пацану вливаться в компанию поварят. Тащить высокие чаны в две лодки, что ждали у берега, засыпать помятые ягоды, заливать озерной водой. Компоты не вскипятили за отсутствием огонька. Но чтобы усилить вкус, выловили из озера небольшие скользкие шарики со странным названием ню-ню. По три кругляша в каждый бак. В завершении процедуры, Чек важно встал над посудой, нашептывал заклинания. Борька хмыкнул. Но не аппетитный сомнительный кособрод вдруг вспыхнул живыми огнями, забулькал, заблагоухал. Пацан потянулся к ковшу.

– Не пей! – со всех сторон закричали смешливые урзы. – Вмиг свалишься!

«Стану козленочком?»

Поварята попрыгали в лодки, заработали легкими веслами и вмиг оказались на дальнем, заросшем травой берегу. Не там, где драчливые жвачные сушили гривы на солнышке, а в сторонке, на безопасном, почтительном расстоянии. Выставили бачки с сияющим кособродом, и обратно, бегом – юрк в лодки. Схоронились в прибрежных кустах, рты закрыли, сидят поджидают.

– Вы что, отравляете ингов?! – внезапно понял Борис. Вскочил, закричал в возмущении: – Это злостное преступление!

– Молчи! – рассерженный Чек дернул парня вниз за рубашку. – Если б эти разбойники плавали, разнесли бы наш остров по камушкам! Просто так, ни с того ни с сего, ради гнусного куража! Я тоже мог бы направить в луга беспощадную смерть, но я посылаю сон! Сейчас напьются и свалятся, будут дрыхнуть как заколдованные. Да не все, смотри в оба глаза. Шутники кособрода не пьют, а лишь притворяются спящими. Если руку порвут, – Чек кивнул на свои короткие щупальца, – благополучно отделаешься, бывало гораздо хуже. Единственное спасение – прыгать в воду, да прыткий ню-ню. Так что, выюнош, не горлопань, а кору белесую стряхивай. Неуклюжий ты в жесткой шуршалке, непроворный.

«Но оригинальный. Так скорей узнают свои», – чуть было не ляпнул Борька. А вслух произнес:

– Я вступаю в битву в всеоружии!

И нож достал. С кровью бога. Чек поморщился и отвернулся.

Между тем бородатые инги уловили приятный запах, приманчивый, соблазнительный. Поднялись, неспешной походкой двинулись к угощению.

– Как их отличать?

– Зачем? – отозвался мальчишка рядом.

– Где корова, а где бычок? Кого доить?

– Всех дои. Не забудь, смотри в оба глаза!

Тем временем, жуткое стадо уселось у глиняных чанов и вполне культурно, ковшами, принялось выхлебывать пойло. Неторопом. Посылая нехорошие замечания в сторону замаскированных.

– Они про нас знают?

– Еще бы! – хихикнули пацаны. – Мы их каждый день угощаем, а они каждый день кочевряжатся. Обзывают урзов букашками, а сами за кособрод позволяют за вымя дергать.

«Алкоголики!» Борька сплюнул и с презрением посмотрел на рогатые горы мускулов. Которые постепенно вдруг начали оседать... Приваливаться на травку... Раскидывать руки в стороны... И залихватски всхрапывать, покачивая дыханием траву у мокрого носа.

– Вперед! – скомандовал Чек.

Лодки резко стукнулись в берег, поварята бегом вернули пустые котлы на борт, схватили ковши и бросились отдаивать молоко. В посуду, которую только что мусолили губы

ингов! «Куда смотрит санэпиднадзор?» – в душе возмущался парень. Но ноги сами несли к лохматому толстому брюху, где торчали два крепких сосца. Доить Борис не умел, но восьмирукий урз довольно ловко управился. И вот уже первый ковш превкусного молока пролился взносом землянина в чан – общественную копилку. Второе вымя... Четвертое...

Вдруг: «Беги!» – раздалось где-то рядом, и Борька взлетел на воздух! Закрутился тряпичной куклой, подцепленной за рубашку рогом гнусного шутника! Инг мотал головой, а мальчишка вертелся как заведенный под хохот очнувшихся пьяниц! Сорвался и полетел в громадные лапы второму подвыпившему разбойнику! Тот схватил урзенка, замял хрустящую бересту, свистнул, отбросил третьему!

Поварята попрыгали в лодки, Чек застыл обалдевшим болванчиком – никакой от соратников помощи! Пацан порхал, словно мяч, маша беспомощно шлангами. Пару раз ему удалось шаркнуть ножом по шкуре, но «атаки козявки» вызвали новые взрывы хохота. О, если бы наш герой на минуту стал человеком! Он бы в пару приемов поставил паскудных коров на место! Но тощий урз не способен сопротивляться сильному.

Вдруг зеркальные воды озера всколыхнулись, обрушились грозным валом на бережок, и оставили на траве... чудище разъяренное! Закрывающее полнеба! Со светящимися глазами! С раздвинутой грозной пастью, способной одним зевком проглотить рогатого сфинкса! Алкоголики вмиг про-

трезвели, швырнули мальчишку в морду невероятного хищника! И бросились наутек! А Борис шарахнулся в воду и, прежде чем утонуть, разглядел: десяток быков мчатся вдаль задирая хвосты, а над ними летит-простирается, лязгает чаштоколом метровых клыков «привидение»...

Разумеется, парня спасли, второй раз за длинный день. Поварята нырнули и вытянули потерявшего чувства собрата, уложили скорее на лодку. И со смехом крикнули урзам на втором, отчалившем ялике, что певца утянули на дно востренные камни в карманах. Борис смолчал, от стыда сильнее прищурил веки. Лоханулся и опозорился!

– Он в глаза не смотрел! – обсуждала ребяшня поведение новенького. – А инги взялись перемигиваться. Я крикнул ему, да поздно!

– Он шуршалку не снял! Береста щекотала животным брюхи, вот задиры и пробудились.

– Все правильно, – подытожил разговор очнувшийся Чек. – Но мы видим: кора белофубра потрепана и разорвана, а мальчик цел-невредим. Без защиты из кожи дерева он мог погибнуть, пока я...

– Но ты успел! Ты успел!

Писклявые голоса звенели и пропадали, голова кружилась. Борис попробовал приподняться, но вновь свалился на лавку, в досаде на слабость урза. Разве дома он шлепнулся б в обморок после короткой встряски? Закаленный в боях звездолетчик, он легко сносил перегрузки, невесомость, ожоги, ранения, выпадающие героям в коварных просторах Космоса. А тут...

– Почему я живой? – прошептали бледные губы. – Я видел, как пролетел меж зубов гигантского монстра.

– Потому что это ню-ню! Пугалка для бестолковых! Наш

Чек – повелитель ню-ню!

Пацан перевел взгляд на повара.

– Есть немножко, – признался тот с гордостью. – Слизняки из нашего озера превращаются в чудищ, которых я четко воображаю. Ню-ню абсолютно безвредны и как будто бы бестелесны. Ты пролетел насквозь.

«Потому-то Чек замирал – он занимался внушением, дрессировкой комочков слизи. Устрашающая иллюзия без компьютерной голографии. В примитивном селении. Не верится...» Но урзы работали веслами и беззаботно посмеивались. «Быки» на том берегу преспокойно храпели, не съеденные, а самые лопаухие уносились за горизонт. А жуткой клыкастой твари на земле и в воздухе не было!

У острова, в теплой отмели, обессилевший парень позволил аккуратно себя раздеть и вновь положить в воды озера, в «палату реанимации». За больным никто не смотрел. Подошли претолстые дядьки, унесли тяжелые чаны с добытым молоком, поварята отправились ужинать.

Наш герой отмокал полчаса. «Деревянное» тело крепло, а беспокойный ум беспрестанно соображал: нет, здесь что-то неверно, не сходится. Недостоин такой организм разумного существа. На любых планетах природа наделяет разумное детище исключительной, пусть не силой, но выносливостью, изворотливостью. Одаренный смекалкой и ловкими трудолюбивыми пальцами, в любых условиях выживет, в жаре и на лютom холоде, одолеет в жестоких схватках стаи свирепых

хищников.

Здесь мурзы сохнут в два дня, не успев стать взрослыми, сильными. А «буратинки» тонут, не в силах сопротивляться притяжению ко дну мелких камушков. Прозябают трусливо рядом с подбирающейся пустыней, не осваивают в лугах удобные территории. Не вступают в борьбу с задиристы-ми, но явно не очень умными соседями-алкоголиками.

Разве дома, в обличье землянина, Борька бы опозорился? Он, кого обучили держаться на воде в тяжелом скафандре и час, и пару часов до прихода команды спасателей? Но что толку от чемпионских брассов и баттерфляев, если слабенький, задыхаешься? Если редкостное здоровье, выносливость, сила мускулов остались там, на Земле?

Нет, пацан не паниковал, не искал отговорок, чтоб «слиться», замереть в бестолковом бездействии. Сила духа осталась при нем и редчайшее меж людей качество звездoproходца: умение приспособливаться в инопланетном обществе. Да, сложно, да непонятно. Да, чужие живут по-другому. Но будущий космонавт придет к намеченной цели.

Когда Боря в вечерних сумерках вышел на бережок, в голове вызревали планы броска на Северный остров. Оставаться на Южном стало опасно, да и бессмысленно. Арсеньевы не откликнулись, получается, здесь их и нет. Пацан оглянулся вокруг и стал решительно действовать.

Простецкого выживания не бывает

Надо сказать, трудный день, когда Борька мог трижды погибнуть – от солнечного удара, от кары разгневанных урзов, от жестокости ингов, но в принципе – из-за собственного недомыслия, научил пацана: простецкого выживания не бывает. Даже в первобытном селении бывалый космопроходец запросто оплошится, если не будет вникать в тонкости отношений разумных, богов и хищников.

Потому Борис успокоился, сделал выводы и приступил к подготовке побега из города со всевозможной тщательностью.

Тайком от гуляющих стражников (оказалось, на островах выставляют на ночь охрану) спрятал лодку в прибрежных кустах. Смастерил ведро. Тихо, крадучись сходил на Сытую площадь, наполнил тару едой и крошечными жучками. Это на случай, если обнаружит не всех Арсеньевых. Когда ему с Лизой придется обследовать земли злингов и задиристых злобных ингов, сухой паек будет кстати. И инструмент. И вода. Два ведра с надежными крышками спасут слабосильных урзят от жажды и высыхания.

К полуночи стража заснет (сторожа всегда засыпают), и Боря благополучно уплывет на Северный остров. А чтоб южные не спохватились, не потребовали возврата оскорбителя черного «бога», толстопузого Пикарида, поставит на пира-

миду берестяное чучело. Пусть оно «смиренно ждет милости», как приказывал странный жрец. Не похожий, кстати, на пленника. Скорее – на подселенного к туземцам экспериментатора.

Потому Борис выбрал веток и коры белесого дерева, наполнил кулек смолой и, чтоб соседи не видели и вопросов не задавали, по наклонной стене пирамиды добрался до «мезонина». Проковырял дыру, проник в свое помещение и старательно смастерил фигурку урза в рубашке и широкополой шляпе. Издалека не поймут, за делами не догадаются, а к полудню уже будет поздно. Ищи-свищи перебежчика, на лица все одинаковые.

Ну а себе, разумеется, изготовил новое платье – это было бы слишком позорно, предстать пред девчонкой голеньким. На этот раз, без карманов, чтобы не тянули ко дну. Подумал и склеил сумку для записей и инструмента. И всю ночь боролся с дремотой, беспокойно посматривал в щелочку. Но, странное дело, стражники враждующих островов тоже не засыпали. Ходили, кричали «Погля-я-ядывай!» тревожными голосами, как будто ждали нашествия. Чек выпустил жутких ню-ню. Зловещие силуэты беззвучно парили над островом, горящие взгляды резали холодную темноту поисковыми прожекторами.

Какой там побег! Борька злился, но был вынужден ждать до утра. А с восходом светила, работники вскочили раньше обычного, и давай собирать инструменты, разбросанные

по острову, укрывать в неглубоких пещерках пред «великим дождем». Что у них в головах? Перед бурей!

Осторожно, чтоб не заметили хитроумненькую подделку, парень выставил из проема одетого двойника, привязал к шипам пирамиды в надлежащей смиренной стойке. Убедился – никто не смотрит, сам спустился скорее вниз и выглянул из кустов. Увы! Как раз в эту минуту добросовестные ребята тянули в сарай его лодку. Проклятие! Борис-человек готов был броситься вплавь. Но урз не желал подставлять под удары тяжелых камней разгневанных северян незащищенную голову. Поспесишь – людей насмешишь. От бесшабашной храбрости не бывает ни толку, ни проку.

Меж тем все в округе притихло, замерло, затаило дыхание, в угрожающей тишине растворились все звуки, все шорохи. Утренний ветерок спрятался под листочки, и работники двух островов постепенно уgomонились, залезли на пирамиды, на тяжелые ветви деревьев и устали в сторону пыльных, угрожающих жизни песков. Ни дать ни взять – в ожидании приятного развлечения. «Почему они не боятся?» – колыхалось в мозгах у мальчишки. Почему он сам не спешит спрятаться в мезонин?

Вдруг на западном горизонте, где пустыня сливается с небом, появилось и стало расти с невероятной скоростью растрепанное пятно. Превращаясь в тучу песка и удушливой красной пыли! Гонимое злыми ветрами! Толкающими к траве, к островам, к волшебному озеру боевые колонны торна-

до! Вихри от земли и до небушка, крутящиеся гигантскими
всесшибающими воронками!

«Удивительно, это конец... — успел подумать землянин. — Будет здесь нам могила привольная, без креста и других отличительных и опознавательных знаков».

А урзы вдруг привскочили и в великом возликовании закричали: «Слава богам!», встречая цветные стаи великолепных сфинксов! Пролетавших над пирамидами! Борька сжался, но полуптицы мщением не заморачивались. Шесть армий, мужчины и женщины, белоснежные, черные, алые, ринулись на пустыню! Вознеслись в небеса трепещущим крепкосплоченным кругом, тяжелые взмахи крыльев умиряли свирепый ветер! «Ах-х-х! Ах-х-х-ха!» — наполнился воздух дыханием и движением. И урзы, в стихийном порыве единая со своими кумирами, повторяли «Ах-х-х!» и «Ах-х-х-ха!», все безудержней, громче, ритмичнее! Нагнетая, творя, наколдовывая атмосферное электричество!

Иступление нарастало, превращало дыхание в рев, поднималось ввысь необузданным: «Скорее! Скорее! Скорее!» И тогда три парня, три девушки вырвались из рядов, в гулкий центр, навстречу друг другу! И столкнулись! Вспыхнули молнии! Трезубцем прожгли песок, глуша, ослепляя округу! В их яростном свете, на миг, блеснули золотые фигурки утративших жизни сфинксов!.. И пропали...

Но синяя туча, настоящая, дождевая, уже росла на глазах, набухала тяжелой влагой, превращалось в лиловую тьму к горизонту от горизонта! И хлынула, полилась спасающим зеленем ливнем! Укротившим песчаную бурю!

– Великая слава богам! – взревели в запале урзы.

Островитянин в Борьке тоже громко кричал-восторгался, и как все поднимал к небу руки, и тянул опьяняющий запах расплескавшегося озона. Человек пришел в ужас: «Шестеро и в самом деле погибли? Принесли себя в жертву? Спасая небольшой населенный оазис? Зачем? Неужели нельзя посадить легких урзов на спины, перенести в места безопасные и плодородные?»

Но сфинксы не отвечали. Сделали круг над озером, наслаждаясь вполне заслуженным одобрительным воплем поклонников и, спасаясь от самодельного безудержного потопа, схлынули на восток. Только черный бог Пикарид спикировал, цапнул «Бориса», прикрепленного к пирамиде, да над лугом заметил подделку, разорвал и вышвырнул вон.

Урзы вскрикнули в трепетном ужасе! А кто видел, передавал зазевавшимся, не заметившим, сколь преступно непослушание, и к чему оно привело. А пацан подумал: «Отлично! Я избежал новой смерти благодаря уму и творческой изобретательности. Больше нет Бориса с Земли. Тем легче будет откланяться». Но стоял, стоял и стоял, наслаждаясь живительным ливнем, проникающим в поры кожи. Это было сильнее его. Инстинктивное поведение заставляло островитян поднимать кверху руки и радоваться, и тянуть, тянуть в себя воду, чистейшую на чистейшей, без заводов и фабрик, планете.

Проходили часы. Мокрый день преобразился во влажный, наполненный испарениями и криками глушек вечер. (Глушки – рыбки Чудесного озера. После дождей резвятся, прыгают над водой, забавно кричат: «Глу-у-у! Глу-у-у!») И урзы, один за другим, опомнились, загалдели, замахали разбухшими шлангами, поскакали с ветки на ветку, на мощные камнем дорожки и скорее шмыг по домам! Престранное поведение. Пацана никто не заметил. А он стоял затаившись, обдумывал и прикидывал: как закат потушит огни, но стража еще не появятся, утомленная долгим бездействием, он спустит на воду лодку и в несколько сильных гребков окажется в «камышках» у мыска соседнего острова.

Разумеется, можно уплыть без шлюпки и без запасов, так было бы даже проще. Но насмешливая Лизавета разведет руками и выскажет:

– Ишь, явился не запылится! Раскатил губу на готовенькое!

У нее на соседнем острове, ясно дело, к побегу все тщательно подготовлено. Борька должен использовать шанс, чтобы обойти задаваку. По ловкости, предусмотрительности, по спасению попавших в беду сделаться самым первым!

Вчера Борис с пирамиды рассмотрел заросшее травами и реденькими кустами болото на севере озера. Похоже, вполне проходимое для крошечного каноэ. Если спрятаться за листвою, можно пением приманивать ингов и высматривать: нет ли Арсеньевых? Ну а если воды и топи простираются до ре-

ки, друзья на маленьком судне предпримут очень опасное, полное приключений совместное путешествие.

Совместное с Лизой! Парень размечтался, вообразил одноклассницу миленькой урзочкой и придумал несколько способов, как будет ее защищать.

А если Елизавета превратилась в лохматого инга? С нее станется! Борька припомнил, какой неожиданно сильной, продуманной, неустрашимой показала себя девчонка на последнем авиоралли (он примчался за ней, вторым!), и в досаде не пожелал повторения унижения. Несмываемая обида хлестнула по самолюбию.

Надо действовать! Или малявка сама приплывет на остров, найдет его раньше времени. А это недопустимо! Борька сделал шаг... Нет, разбухший потяжелевший урз попытался выполнить шаг первым шлангом... вторым... четвертым... Но не сдвинулся с места! Почва держала железной хваткой! Парень дергался, руко-шлангами тянул за каждую ногу, копал, откидывал жирную, разомлевшую за день грязь – бесполезно! Ноги пустили под землей глубокие корни! Деревесные, разветвленные!

Вот подстава, вот невезение! Пацан готов был завывать,

представляя, как Лизавета деловито берет лопату и откапывает товарища! А потом пишет в школьном отчете! И все классы, от мелюзги до усатых выпускников, надрываются в бурном хохоте и тычут в Булана пальцами, подхватывая бока!

Надо отдать Борьке должное – он пытался спасти ситуацию. Достал из сумки ножи и, невзирая на боль, принялся отпиливать выросты. Скоро понял – не успевает. Бурлящие соки земли с потрясающей быстротой превращали стан урза в ствол, крепкий и негибачаемый, поднимали веером руки, запускали мелкие веточки! И вот уже новый куст с крутящейся головой покрывается клейкими почками... Мысли рвутся и разбегаются...

– Помогите мне!.. Помогите!.. – закричал в отчаянии парень. Или, может быть, зашептал. Слух и голос хлябко рвались, истончались и исчезали!

Его жизнь решали минуты. И удача. Так получилось, что хлопотливый Гнор возвращался домой последним. Он и спас пацана, в темноте едва отличив растения от бедолаги урза. С корнями возиться не стал, подобрал оброненный ножик – и единым резким движением чиркнул по ного-шлангам. Борька вскрикнул! Но острая боль мгновенно сменилась сонным беспомощным оцепенением.

– Ах ты глупый, – старик подхватил больного на сильные руки и отнес в пещерку, где прятались от непогоды лодки. Достал чашку с черной смолой, замазал парню «ступни»,

чтобы больше не прорастали. Отрезал лишние веточки, обработал каждую ранку. Когда дело дошло до нескольких выростов у «ладоней», больной попросил слабым голосом:

– Оставь, пускай будут пальцы.

– Побегии начнут расти, почки пойдут, листочки.

– Я буду их обрезать. Спасибо за все, добрый Гнор.

– Не за что, ушлый Боря.

– Ты узнал меня? В темноте? – совсем расстроился парень.

– Ясно дело, ты Боря с Земли. Ты опять оскорбил Пикарида. Лишь малый, что целыми днями горлопанит или бездельничает, умеет сворачивать ведра. А зачем он их сунул в лодку? – Гнор взглянул в каноэ напротив. – Задумал сбежать. Это значит, не поднялся на пирамиду, затаился неподалеку. Ни один здравомыслящий урз не встанет на землю в ливень! Никогда! Лишь главный балбес обязательно прорастет и назовет на остров гнев Всесильных и Легкокрылых. Ты обязан покинуть нас, парень. Искупии свое прегрешение, припади к ногам Пикарида.

Борьке стало обидно: сам Гнор, его единственный друг, бесцеремонно гнал с острова. А впрочем...

– Я должен уйти, – признался пацан, с усилием приподнимаясь на локти. Организм опять перестраивался, возвращался из деревца в урза. Внезапное выздоровление затуманивало мозги, мешало слова и мысли. – Мне надо найти друзей. По отдельности каждый из нас неловкий и неумелый, мо-

жет очень скоро погибнуть. Но когда мы будем все вместе, – Борис хотел сжать кулак, крепкий, земной, ударный, демонстрируя старому лодочнику силу объединения, но вскрикнул от новой боли, – мы станем сильнее всех! Сильнее ваших богов!

– Опять ты бредишь, несчастный, – печально заметил Гнор. – Где же видано, чтобы урзы обладали великой силой?

– Мы не урзы! Мы – люди с Земли! – горячился, вскрикивал Борька, погружаясь в тяжелую болезненную горячку. – На Мурзлингере нам нужен сталкер, который нас проведет через опасные зоны. Здесь шагу нельзя шагнуть, кругом западни и ловушки! Добрый, милый Гнор, помоги! А мы тебя наградим, получишь, что пожелаешь!

– Ничего мне уже не нужно, – вымолвил грустно лодочник, вытирая больному лоб, покрытый мелкой испариной. – Я старик, мне пора умирать. Зацвела сьючень, это признак: не сегодня-завтра на остров набегут поганые злинги. Наших главных врагов-обжирателей манит сладостный запах съедобного. Переросшие мерзкие гусеницы проникают ногами в кладовки, ломают ветки деревьев, убивают бдительных стражников. Режут урзов напополам!

Парень вздрогнул:

– То есть, как режут? У них есть мечи и кинжалы?

– Какие еще мечежалы? У червей смертоносные когти, загнутые, востренные.

– Опасней ваших ножей?

– Куда опасней, длиннее!

– А вы прикрепляйте ножи к легким и длинным палкам и сражайтесь острыми пиками! Так противника не подпустите и на расстоянии заколите! – ляпнул Борька в драчливом запале. И прикусил язык: а может, в рядах злобных злингов невольно придут Арсеньевы?

– Самый умный? – Гнор усмехнулся. – Да мы злодеев без пикок по кускам посушили б на солнышке. Но Божественное писание запрещает язвить подлецов. В них можно кидать камнями, отгонять подальше в пустыню, но лучше не попадать.

– Не попадать? – мальчишке в густой темноте пещеры казалось, что бредит Гнор. – Без права на самозащиту? Но это идиотизм!

– Какой еще одоизм? Ты, малой, в отношении Премудрых употребляй разрешенные хвалебные выражения. Например: «Несущие знание, вековечное и незыблемое», или «Великодушные хранители бранных урз».

Хранители? Мудрецы? Парень вспомнил хищный блеск молний – словно взмах меча над склоненными покорными головами.

– Ваши боги запачкали крылья в крови ритуальных жертв! А пески, я это заметил, на два метра подвинулась к озеру! Через несколько бурь, от долины ничегошеньки не останется! Вам надо садиться в лодки, пока поднялась вода, и спастись через болото!

– Снова, мальчик, путаешь что-то. Как возникнет необходимость, Всемогушие отшугнут барханы назад в пустыню. Сам подумай, – Гнор приподнялся, услышав вдали перекличку выходящих на берег стражников, – если каждый трусливо сбежит, кто же станет встречать малых урзов?

И ушел. А Борька, бессильный, провалился в глухое беспамятство. Нет, он много раз просыпался, толкаемый муками совести, и кричал: «Я бегу! Я спешу!», представляя Лизу в когтях прожорливых зверских злингов. Но горячая голова падала на солому, а свирепые морды ню-ню ревели, грызлись, взрывались в тяжелых кошмарах снов...

* * *

– Никчемная малолетка! Объясни, с какой стати я должен оставить тебя в живых?

Лиза смотрит в лицо чужеродного, перекошенное, разгневанное. Кто-то сильно его разозлил. Он выместит гнев на ней. В самом деле, может пристукнуть, если за две секунды не придумать нужный ответ. «Потому что я хочу жить», – явно не подходящий.

Она должна стать полезной. Должна притворяться глупенькой. Чтоб ее выпускали работать вместе с другими девочками. На просторе Лиза осмотрится, найдет способ, как убежать. Или как передать сообщения, которые не перехватит, не прочтает черный.

Герочка переминается с замерзшей лапки на лапку, опус-

кает глаза на свежий порез на руке Пикарида:

– Я вижу, вам очень больно. Но я умею лечить. Если вы принесете лекарства, я продезинфицирую и перевяжу рану. А еще я могу следить за здоровьем ваших работников.

Вставайте! Злинги на острове!

Надо сказать, организм совсем молодого урза мгновенно заболевает, но быстро и поправляется. Когда мальчик открыл глаза, стояло раннее утро, наполненное белесой, неестественной тишиной. Боря выглянул из пещеры и увидел полосу берега с ночными следами стражников, спокойные воды озера и, о чудо! – благоухающий, цветущий ковер пустыни до самого горизонта! Диковинные растения, едва успевая выпустить короткие стебельки и пару-другую листиков, венчали себя коронами цветастых сочных соцветий. С минуту пацан стоял, восхищенный величием Жизни, проравшейся через засуху. И новая мысль: «Через восемь сроков по восемь дней придет пора собирать катящихся зрелых мурзов», завелась сама в голове исконным урзачьим знанием.

Вот что молвил Гнор на прощание, упрекая мальчика в недомыслии, в подслеповатом неведении. Нет, урзы ни в жизнь не оставят малышей без экстренной помощи. Да и Борька не эгоист, помышлял о благе общины, а сморозил явную глупость. Недаром учили: «Не вздумайте насильно переиначивать образ жизни аборигенов. Без глубокого осмысления обычаев и законов развивающихся миров, вмешательство обернется смертями и катастрофами».

«Может, сфинксы и в самом деле задувают назад пусты-

ню?» – усмехался парень, а сам подтолкнул к воде легкую лодку. Сел на весла, сильными взмахами повел скорлупку вдоль берега, упиваясь невероятной, неестественной тишиной. И вдруг, за крутым поворотом, где склон острова пенится белыми ухоженными садами... Парень дернулся, подскочил – всюду лежали стражники! А по крепким сучкам съючени расползлись... большущие «гусеницы» с блестящей белой спиной, с добродушной ухмыльной мордой! И довольно жевали разлапистые, полные сладких соков листочки и лепестки. Это было несовместимо, не укладывалось в картину воинственного вторжения: тишина, милота и убийство...

– Атас! – заорал Борис. – Вставайте! Злинги на острове!

И его слышали! Скоро из всех пирамид повыскочили, покатались вниз по откосам пищащие белые тушки! Удивленные физиономии метались, падали в воду, швыряли-толкали лодку и, ловко скача над волной по примеру земных дельфинов, преодолевали озеро. А за ними бежали урзы, возмущенные, злобно орущие, вопреки благочинным заповедям, кидающие в агрессора отточенными камнями! Два-три снаряда врезались Борису в грудь и в живот, парень бухнулся, прикрывая шланго-ладонями голову. Кипящие волны толкали лодку к соседнему острову, но и там, на чужой территории, иступленно вопила толпа, взрезали воздух булыжники, бурлили воду хватчики! В момент пацан оказался под перекрестным огнем! Каноэ крутилось, трещало, в ушах звенело пророческое: «Лишь главный балбес...»

В ту секунду, в голове что-то явственно вспыхнуло! Побежало горячими токами от макушки до самых пят! И Боря, еще не видя, еще толком не сознавая, почувствовал: здесь Арсеньев! Дядя Витя! Парень вскочил: на Южном? Нет, вон, на Северном! Мчится к берегу, машет руками урз в рубашке и белой панаме! Пацан закричал, цапнул весла и в несколько мощных гребков вонзился в песчаную отмель. «Чужой!» – закричал кто-то сверху и нарочно, прицельным движением бросил в урзенка камень. Но Борис успел уклониться, Виктор прыгнул, и лодка стрелой полетела к дальним болотам.

– Дядя Витя!

– Сынок!

На секунду, оба замерли, пораженные проступающими чертами, узнаваемыми, земными, сквозь монетные лица Мурзлингера, и сомкнули шланги-объятия. Вот оно, настоящее счастье, обретенное в преодолении трудностей и опасностей – встреча добрых друзей на чужбине! И, как в старые времена, после долгой тяжелой разлуки, подполковник межзвездного флота по привычке слегка отстранил за плечи сына товарища, посмотрел в глаза. Но теперь, вместо гордого: «Как ты вырос!», вырвалось ироничное: «Ну мы с тобой и чучела!»

Парень хмыкнул, прижался к родной, на Земле широкой груди и тихонько шепнул:

– Прорвемся!

– Непременно! – заверил Арсеньев. – Мы, сынок, с твоими родителями попадали в чужих мирах в серьезные переделки. Но всегда возвращались домой, живыми и невредимыми, потому что за сенью звезд нас ждали Лиза и Боря.

И нахмурился:

– Где наши женщины? Ты их видел?

– Не видел, дядь Вить, – виновато поник пацан. Теперь Борису казалось: в мелочной суете, он что-то сделал не так, что-то важное не заметил. – Я пел, нарушал законы, меня судили всем миром. Каждый знал про «балбеса с Земли», но ни разу никто не откликнулся.

– А я исписал пирамиды словами: «Я Виктор Арсеньев, ищу семью и Буланова», и жрец меня осудил при скоплении целого острова за пакостный вандализм¹¹. Велел посадить в кладовку, перебирать продукты, где хорошие, где испорченные. Да, сынок, будь я человеком, я ногой отпихнул бы камень, приваленный вместо двери. А урз кричал в щелку: «Боря! Лена! Лизонька! Мама!» и ковырял подкоп.

– Вы сбежали?

– Нет, не успел. Утром кто-то толкнул булыжник и в темницу ввалились злинги.

– Напали на вас?! – ахнул Борька.

– На чаны, на стеллажи! И ну жирной мордой в запасы, чавкают и смеются. Я выскользнул, а весь пол...

¹¹ Вандализм – осквернение некультурным человеком предметов искусства и архитектуры.

– В рваных трупях, – кивнул пацан. – Они погубили Гнора, моего спасителя, друга. Он лежал в траве, с белым чубчиком...

Борис запнулся и всхлипнул, а командир Арсеньев обнажил в знак траура голову. Повинуясь порыву, оба окинули острова печальным прощальным взглядом. Но битва уже завершилась, победители с горьким стенанием собирали тела погибших. Последние из захватчиков убегали, ломая цветы похорошевшей пустыни, в сторону синих гор.

– А все-таки не понятно, – с досадой заметил Виктор, – как враги вошли в пирамиду? Все «двери» были завалены, я это видел сам. Закричал, урзы спрыгнули сверху, но злинги не защищались. Раскидали камни у входов – и тикать.

– Да, как-то не вяжется, – согласно заметил Борька. – Беззлые, но убийцы, трусливые, но почему-то совсем не боются ню-ню.

– О, позвольте я все объясню! – послышался с бережка громовой раскатистый голос. Его обладатель изо всех сил старался смягчить грозное впечатление мягкими интонациями.

Глава 3

Я – девушка с нежным лицом и голубоватой кожей

Борис раздвинул кусты. Недалёко на мокром песке стоял на задних ногах гороподобный инг, с кудлатой седой бородой, с поломанными рогами, и протягивал урзам замызганную сумку из «бересты». Руки-бревна дрожали, по заросшим щекам текли неудержимые слезы. «Я Вио Ретта с Брут-элло, – прочли друзья на ИЯМПО, искусственном языке, созданном для общения человеков и маракасков. – Разыскиваю Бара Ретта, Кру Фролли, Биа Кавида, Сбарда Качли, Глеба Давыдова и Томаса Арчибальда».

– Я – девушка с нежным лицом и голубоватой кожей, невысокая и изящная, мне двадцать восемь лет, рост метр шестьдесят пять, – печально заверил сфинкс, и новые слезы брызнули еще горше, еще крупнее.

– О! – воскликнули малые урзы, выскочили на берег, обхватили нового друга за ободранные колени (выше не доставали) и в два голоса стали просить, чтоб прекрасная Вио не плакала – в их лице она обретет надежных и верных защитников.

– Позвольте представить, – юноша вспомнил преподавателя межпланетного этикета и сделал галантный жест. – Перед вами Виктор Арсеньев, землянин под метр восемьдесят, очень сильный и очень добрый, с улыбающимся лицом и коротким сидящим ежиком. Ежик – это причёска такая.

– Пи-чё-ка? – Вио сложила страдальческое лицо и легла на живот, чтобы видеть глаза своих собеседников. – Пичёка... Давно... Не помню...

– Неважно! – замазал парень нечаянную бестактность, стараясь не скашивать взгляд на торчащие львиные лохмы. – Главное, Виктор Арсеньев – заслуженный космонавт! Открыватель новых планет!

– Космонавт... Я тоже была вроде бы космонавткой?.. Летала с Кру Фролли, с Кавидом... – беспомощный взгляд на надпись. – Я стала забывать многие имена...

– А Бар Ретт? Ваш супруг или брат? – осторожно спросил Арсеньев.

– Любимый, мой муж. У нас детки, Ладик и Ярудка. – Жалобная улыбка осветила мордашку инга. – Я живу надеждой на встречу, а иначе, где черпать силы, чтобы вынести одиночество? Откройте, пожалуйста, сумку, посмотрите на зарисовки. Я боюсь испачкать, испортить. – И показала растоптанные ладони в грубых мозолях.

Борис развязал тесемки и осторожно вынул тяжелую пачку желтой от времени «бересты». Это были искусно выполненные портреты шести звездолетчиков, кого Вио без всяко-

го толку пыталась найти на Мурзлингере, и двойняшек лет четырех, с кем жаждала встречи дома. Над кудрями маленькой Ярудки забавно витали бабочки.

– Где-то я это вроде бы видел... – улыбнулся растроганный парень. – Меня удивила стайка пёстреньких мотыльков над головкой маленькой девочкой. Оказалось, их привлекают ароматы цветочной косметики. А еще я узнал, что куколок прирученных озорниц продают в комплекте в коробочке.

– Мои дети очень послушные, – произнесла Вио Ретта, сразу видно, заученный текст.

– Озорница – название бабочки, – стушевался неловкий мальчишка.

Опять выражение страдания:

– Извините... не знаю... не помню...

– А я вас узнал! – Арсеньев тайком показал болтуну из руко-шлангов кулак и подчеркнуто полюбовался портретом изящной девушки в парадном комбинезоне. Черты лица с пухлым ртом, приподнятыми к вискам выразительными глазами и узеньким подбородком выдавали жителя Ворро, материка Брутэлло. – Помнишь, Боря, на астероиде тебе вручали медаль «За спасение экипажа»? Вио Ретту и Биа Кавида наградили орденами за открытие Ифигении – пригодной для жизни планеты в системе звезды Третий Глаз¹².

¹² Борю и Вио Ретту наградили на астероиде Рак-Марик за свершенные в Космосе подвиги, об этом написано в книге «Л+Б. Одна на планете»

Прекрасная Вио Ретта – космонавтка с планеты Брут-элло

– Мы с Кавидом совсем офигели? И получили в глаз?
Земляне неловко переглянулись и решили не рисковать,
перевести разговор на более близкие темы.

– Чем вы рисуете?

Девушка радостно оживилась – на этот простой вопрос она ответить могла:

– Я сама придумала тушь. Мешала смолу с тертым углем и малевала картинки, пока была урзом. Урз – самое трудолюбивое, самое ответственное разумное существо Мурзлингера в жизненном цикле от мурза до гера.

– Что вы хотите сказать? – удивленно спросил Борис. – Ну да, каждый мурз станет урзом, с этим я, пожалуй, согласен. Но злингом?! Враги пробираются на остров через пустыню.

– Извините, вам сложно понять. Мешает инстинкт отторжения «обжоры, убийцы, гусеницы», которого поскорее следует выгнать с острова. На самом деле, вы видели, как толстеют зрелые урзы? Это значит, в их организмах происходит метаморфоз – преобразование формы.

– Получается, злинг не убийца? Он просто выходит из формы, уже устаревшей, лопнувшей? Как у нас на Земле из гусеницы получается куколка, а из куколки бабочка? Вот почему все входы в пирамиды были завалены! – сообразил Арсеньев. И с досады шлепнул себя шлангами по бокам: был бы он человеком, давно бы сам разобрался.

– И цветы пустыни с утра были целые-невредимые! – подхватил в восторге Борис. – К нам никто никогда не вторгался! Это значит, Гнор жив! – И пацан не сдержался, чмокнул «коровку» в черный большущий лобик.

– Ладно, мы люди пришлые, с затуманенными мозгами,

однако разобрались. Но почему же местные отрекаются от очевидного? Не помнят себя в других формах, сами себя презирают, сами с собою воюют?

– Я много над этим думала, пока ходила по острову, – промолвила Вио Ретта. (Хотя, на самом-то деле проревел растрепанный инг. Но мы и впредь постараемся выражаться как можно вежливее. Вио Ретта по-прежнему видела себя легкой спортивной девушкой, а Виктор и Боря старались разглядеть под жутким «костюмчиком» знаменитую космонавтку.) – И знаете, сделала вывод: беспамятство и вражда выгодны только герам, наглым рабовладельцам.

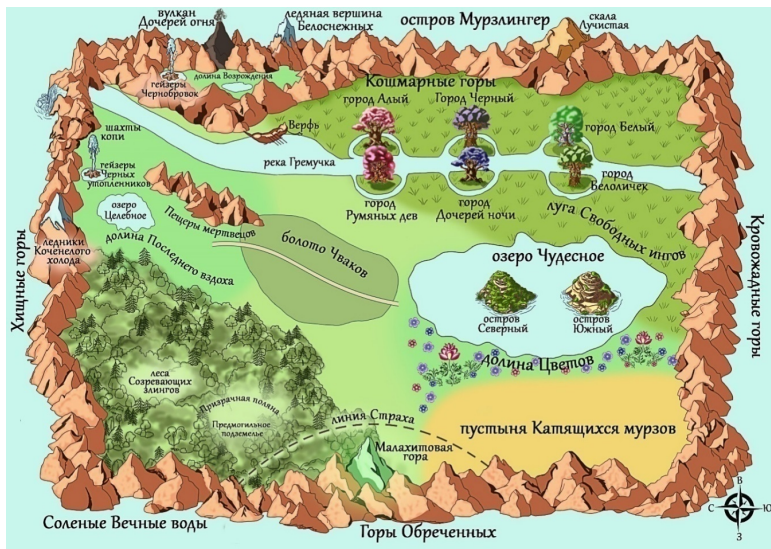
– Что за геры?

– Еще один остров?

– О, простите, не сообразила: вы ничего не знаете!

– Мало знаем, – признался Виктор, – в пределах Чудесного озера.

– И в этом плохая особенность местного населения – здесь никто никого не учит. Считается, что разумный, рожденный в любом обличье, изначально все знает сам. А на деле, кругом торжествуют суеверия и невежество. Вот, смотрите, – инг ткнула пальцем в самодельную карту, местами испачканную и порванную:

– Мы заперты с вами на острове, как ни странно, прямоугольном. О, я помню, что острова – вершины подводных гор, и быть такого не может. Тем не менее, я обошла территорию по периметру и своими глазами видела четыре прямых угла. Об этом знают немногие, населению не интересна история и география. Каждый доволен своей маленькой территорией, за нее почти не выходит. Жрецы говорят: Многоликий и Вездесущий Мурзлингер создал все: и землю, и воды, и зверей в лесах, и разумных. Они уверены: далее простирается во все стороны Солёный сплошной океан. Возможность других островов, континентов с другими народами агрессив-

но не обсуждается. Нет желающих сесть на корабль и отправиться в путешествие. Нет строительства океанских парусных кораблей.

– Но это нам только на руку, – рассудительно молвил Арсеньев. Друзья склонились над картой и рассматривали клок суши сто на сто пятьдесят километров, окруженный со всех сторон цепью высоких гор. – «Земляне быть могут везде, в неожиданно дальнем месте, доступном для проникновения мурза, урза, злинга, инга и гера», – процитировал Виктор инструктора. – Замкнутое пространство без общения с внешним миром. Никто далеко не уходит. В итоге, наша задача значительно упрощается. Дай пять! – И хлопнул Бориса по фантомной земной ладошке.

– Я тоже так полагала, – печально молвила Вио – Проникла почти везде. Пока была урзом, успела разрисовать пирамиды двух островов углем, но мои друзья не откликнулись! А потом приспели дожди, слова и картинки смыло, и черный гер Пикарид подхватил меня и унес.

– Тот самый, который бог? – Боря вспомнил злое лицо с аккуратной узкой бородкой и от всей души пожелал никогда с ним больше не встретиться.

– Ну какие из геров боги? Ленивые рабовладельцы. Подчиняются касте жрецов, обладающих вечной жизнью и знаниями, полученными от загадочного Мурзлингера. Наивные урзы слепо поклоняются Мудрым-Крылатым, и верят всему, что внушают Бессмертные Всепроницательные. А мурзы –

детишки «богов». Я так и не поняла, каким образом шестеро сфинксов, приговоренных к смерти, становятся тучей и сеют в пустыне новые жизни. Но это факт. Потом женщины выбирают зеленые камни. С помощью «чар», запуганного маленького мурзенка превращают в девочку-геру, которая служит взрослым, минуя цепочку естественных природных преобразований.

У мальчишек участь иная. Они становятся урзами и служат герам-мужчинам в городах Белый, Алый и Черный по правому берегу тихой судоходной реки Гремучки. Кто остался на островах посреди Чудесного озера, встречают маленьких мурзиков.

– В таком случае, – Виктор нахмурился, – Лизаветы, Елены и мамы здесь просто-напросто нет? Они были камнями?

– Возможно, ваши женщины в городах, – Вио Ретта сломала ветку и показала полет девочек от пустыни над долиной Цветов, над озером, над лугом Свободных ингов в города Румяных дев, Белоличек и Дочерей ночи. – Но это не обязательно. На Мурзлингере нет ничего конкретного, определенного, что можно предвидеть заранее. Вот я была камнем, но геры почему-то меня не заметили. Потом превратилась в урзу, и Пикарид меня выследил.

– Он действует по наводке! – догадался сметливый Борька. – Выбирает самых талантливых!

– И конечно же, неспроста. Бросил меня в подвал, стал выпрашивать, что я умею. Я ответила: «Здесь – ничего. Но

если вы мне поможете отыскать Великих Богов, сошедших на землю в образе обыкновенных урзов, мы вас наградим богатством и властью над всем Мурзлингером».

– Поверил?

– Как бы не так! Рассвирепел, раскричался, запер меня в темнице. А через неделю велел сопровождать в поездках по ярмаркам и местечкам, где будет сам торговать, а я – рисовать портреты местной аристократии.

– В таком случае, вам повезло, – решили Виктор с Борисом. Они уселись по обе стороны головы, смотрели каждый в свой глаз, и жадно ловили подробности чужого богатого опыта.

– Повезло. Пикарид выдавал своим рабам раз в неделю немножечко молока, морил голодовкой – «диета» замедляла развитие злингов. За двести дней я успела прославиться по округе, работала как сумасшедшая. Писала портреты каждому, кто платил серебряный будль, кто тайком приносил горстку ягод, кто шел с пустыми руками. Выводила над каждым рисунком: «Я Вио Ретта с Брутэлло...» Объясняла – это узор, приносящий удачу и счастье. (Здесь пишут совсем по-другому, из центра по круглой спирали.) Претензий не поступало. А призывы на бересте развешивала повсюду, в богатых и бедных кварталах, на базарах и в кабаках. Расспрашивала, расспрашивала... – Вио нервно означила прутиком от городов до гор местечки активности геров: судходную верфь, шахты, фермы.

– Слабосильные урзы гребут веслами на галерах? – удивился Виктор.

А девушка сглотнула и зачастила:

– Ой, опять забыла сказать...

«Ее мучает совесть, бедняжка не сумела найти друзей, – с сочувствием понял Борька, – что-то важное не заметила. Говорит, говорит, говорит, как будто мы ее судим, а она перед нами винится».

– Представляете, все тяжелые, непосильные урзам работы выполняют инги-рабы.

Земляне бросили взгляд на сфинксов, что дергали травку, а сами из любопытства подбирались все ближе и ближе.

– Вот так номер! Этих гигантов заарканивают?

– Свободных? С ними никто не связывается. Но есть фермы, где ингов выращивают. Покупают урзов-рабов, перезрелых, не нужных хозяевам, а полученных злингов в скоростном режиме выкармливают. Опять как будто бы «чары» таинственной Орлегицы. А на самом деле, я видела, подсыпают в корма добавки, чтобы «гусеницы» ели мало, а вызревали быстро. Злинг – существо добродушное, неумелое и глуповатое, лежит, дурачок, и хрюкает. А главное – привыкает, записывает на корочку: фураж попадает в кормушку «по милости добрых геров». И новый инг получается с зависимой психологией, не стремится к свободе, пашет на хозяина за еду.

– Невольник в трех воплощениях, – передернул плечами

Борис.

– Не всех продают на фермы. Когда рабы располнели, Пикарид сделал царственный жест – прогнал негодных на улицу. Меня оставил – рассчитывал, инг тоже станет художником. Но я убежала. Быть может, разумней было остаться, переждать воплощение в злинга в спокойном и сытном месте. Но в неволе, знаете, жутко. У Пикарида взгляд... Как будто стоит и думает: прикончить это ничтожество? Или чуточку подождать?

– Это точно, и я заметил, – невольно признался Борька.

– Я слышал, жрец за стеной говорил кому-то: «Особенных надо всех сдавать Пикариду». Хорошо, успел убежать, – добавил Виктор Арсеньев.

– И мы всей гурьбой побежали, куда гнал инстинкт выживания – в леса Созревающих злингов.

– Мимо пещер Мертвецов, мимо болота Чваков? – показал на карте Борис.

– Это было самое страшное сухопутное путешествие в моей космической практике. Мертвецы нам не досаждали, но чваки сидели в трясине и питались урзами. «Чванк!» – вылетает липкий язык, и нет рядом друга-товарища. Лишь зубастая круглая пасть захлопнется вдалеке и опять погружается в тину.

– А какие чваки на вид?

Совсем недавно пацан мечтал с хрупкой урзочкой Лизой

путешествовать по болотам. Замечательно, что не каждая наша мечта сбывается.

– Да кто же их знает, Боря? Урзы едва успевали разглядеть врагов изнутри, но от этого не было толку. Наша дорога стала местом охоты хищников. Я зверей совсем не запомнила, сливаются перед глазами в бегущую по пятам, ревущую злобную стаю. А сверху парил грифон с головой и повадками волка. Мы прятались под деревьями, но монстр всегда успевал, пикировал вниз, вгрызался несчастному урзу в горло. И с тяжелой добычей швырк в небо! Как-то раз налетел на меня, но сказались года тренировок. Спина сама изогнулась, руки вонзили в глаз и в клыкастую смрадную пасть горящие головешки! Чудовище закричало почти человеческим голосом, метнулось к вершине дерева! Мы бежали и слышали рев вперемешку с гортанным клекотом, как будто черный колдун посылал нам в спины проклятия.

– Урзы знают огонь? – Арсеньев не мог сдержать удивления.

– Жить захочешь – эволюционируешь. Торфяное болото дымилось, кое-где на поверхность выскакивали язычки короткого пламени. Мы быстро сообразили вырывать из почвы погибшие чахлые деревца с подпаленными корешками и шли сплочённой толпой, окутанной едким дымом, мерцающей злыми огнями.

– Это спасало?

– Временно. Когда хищникам надоедало бояться и голо-

дать, они нападали стаей. Когда в битве ломалось оружие, мы себе поджигали руки и бились, как одичалые. Когда волкогриф возвращался и низко кружил над деревьями, выискивая одним оставшимся глазом обидчика, уверена, многим хотелось меня выбросить на дорогу. Но урзы не сделали этого.

Двадцать восемь из сорока за неделю дошли до рощи, где растут народаты – деревья, чья листва из вялого злинга формирует могучего сфинкса. И, что важнее, отпугивает ядовитыми испарениями всю остальную живность. Утомленные урзы устроились в ложах из разветвлений и предались своей судьбе. «Будь что будет», – читалось на лицах.

Я боролась со сном и инстинктами. Из последних сил обдирала корочки «бересты», рисовала портреты детишек и вывешивала на кронах в зонах высокого риска. Писала большими буквами: «МАМА, МЫ ТЕБЯ ЖДЕМ!», «МАМА, ТУДА НЕЛЬЗЯ!»

А потом... Осознала себя в крепкой шкуре, с белым брюшком, с шестью короткими лапами. И что особенно ценно, на каждой «ноге» был коготь, глубоко вонзившийся в дерево. Бытность злинга сливается в вялую бесконечную череду пожевываний и подремываний. Приятную, но бездумную. Поэтому очень опасную. Не раз я вдруг останавливалась у пугающих белых листов, и мое сознание вздрагивало. Ветерок теребил картинки, личики перекашивались, и казалось, коварные хищники затаились в сочной листве, втихую ве-

дут охоту. Робкий злинг отступал назад, выбирал надежную ветвь, а если все были объедены, уходил на соседнее дерево.

– Вы не узнавали детей?

– К стыду моему! – грозный инг чуть было опять не заплакалась. Земляне погладили шлангами «небритые» щеки, стараясь передать любовь и сочувствие. – И совсем не умела читать! А потом мы стали телятами, резвились в объединенной роще. Ни к кому не вернулось знание прожитых воплощений, я одна была исключением. Заметила эту сумку, подвешенную на дереве, и болезненно сжалось сердце. Недельку сидела с картинками, теребила неловкими пальцами, мучительно вспоминала детишек, родных, друзей... Вспоминала себя на Брутэлло, что делала на Мурзлингере... Всмотривалась в значки, которые урз зачем-то предназначал для инга... И вдруг поняла: читаю! И вспомнила цель. И горестно сделалось на душе от напрасно пропавшего времени.

Тогда я решила: мой Бар и друзья, скорее всего, миновали стадию урза. Их фазы метаморфоза могли увеличивать или наоборот, сокращать в своих интересах геры. А мне следует начинать кропотливые поиски заново, начиная с лесов Спелых злингов. А затем обойти города, потому что все космонавты уже могли стать крылатыми. Снова шахты, фермы и верфь. А если друзья отсутствуют в цивилизованном мире, изучить владения ингов до самых Кошмарных гор...

Я исполнила этот план, – заверила горько Вио, – оставляла везде объявления, голодала, сражалась с хищниками. – Жест

поломанными рогами. – И составила эту карту.

Вио Ретта закрыла глаза, по огромному телу инга пробежала нервная дрожь.

– А друзья? – не выдержал Борька. – Неужели никто не откликнулся?

– Нигде ни следа, ни намека. Мне никто не мог запретить, я везде развивала кипучую, не в меру шумную деятельность. Все знают про инга с картинками, многие верят в награду. Почему космонавты молчат, не оставляют следов? Неужели наши пути ни разу не пересекались?

«На тесном острове? Вряд ли. Были б живы, они б обязательно...» Но Борису не захотелось додумывать страшные мысли.

Мужчины переглянулись. Никто не предполагал, что можно так долго, так тщательно прочесывать весь Мурзлингер и остаться с обидным носом. «Выжившие из вас постигнут все ипостаси, – крутился в мозгах голос гнусного «Вершителя судеб Вселенной». – С каждым новым преображением, ваш разум будет пополнен новыми интуитивными знаниями этого мира, вы будете все сильнее, проворнее, предусмотрительнее. Со временем, будут стираться воспоминания о себе, о друзьях, о Земле. Таким образом, может случиться, вы встретитесь, но останетесь на Мурзлингере навсегда, потому что не догадаетесь попросить меня о возвращении!»

«Мы выживем! Всех отыщем! А вас будут судить за подлые и незаконные выходки!» – со злостью подумал Борька

и мысленно пригрозил пленителю кулаком.

– Сколько времени делятся поиски? – осторожно спросил Арсеньев.

– Трудно сказать. На острове зима, весна, осень не сменяют друг друга, невозможно ориентироваться. Сплошное жаркое лето, отупляющее, раздражающее. До воплощения в злинга я вроде бы насчитала двести четырнадцать дней. Потом провал, и никто из всезнающих, умных жрецов не пожелал открыть тайну: сколько длился метаморфоз? Все врал: так не бывает, я слишком много придумываю. А теперь хожу в шкуре инга сорок сроков по восемь дней. Отмечаю в календаре, но часто теряю память и почему-то путаюсь.

– То есть, были в активном сознании более пятисот тридцати местных дней, – сообразил Борис. – Невеселая арифметика!

– Вы получили награду на астероиде Рак-Марик в июне 2512-го года в летоисчислении Земли, – взялся рассуждать Арсеньев, старательно добавляя в тягостный разговор оптимистичные нотки. – В том же месяце, экипаж под командованием Бара Ретта стартовал к планете Рубарики в системе звезды Жозефины, но скоро пропал с экранов Центра контроля рейсов. И мы с Борей летели туда же, к карлику Жозефине, на вторую планету, Бьянку. А здесь уже пятый день, с 11 июня 2514-го года. Получается, вы на Мурзлингере не более пары земных лет. А попались, когда...

– ...На экранах каждого монитора прорезалась вдруг пу-

стыня! – В отчаянии вспомнила Вио. – И каждый сказал: «Что за чушь?» – но стал нажимать на кнопки!

– И мы так же влипли. Глупо, но это уже дело прошлого. Скажите лучше, вы точно обследовали весь остров?

– Я ходила везде, где живет хотя бы один разумный. Обошла по периметру скалы, Хищные и Кошмарные, Кровожадных и Обреченных, встречалась с жрецами-отшельниками. Но никто не ведал про чудиков, что разгуливают с плакатами, ни разу подсказок не было.

«Даже если знают – не скажут», – сделал вывод сердитый Борька.

– Друзья, не будем терять твердость духа и веру в победу! – улыбнулся Виктор. И Боре с Вио Реттой уже казалось, чем хуже дела, тем увереннее этот мужественный землянин. – Я правильно понял, вы не поднимались в горы?

– Ни разу. Не потому, что скалистые зоны приморья находится под запретом, и не из страха быть съеденной. Но утесы, и в самом деле, отвесные и неприступные, их не сможет осилить инг. Мы находимся в котловане с непомерно высокими стенами.

– А урз заберется?

– Может быть. Но урзы не смогут обследовать весь горный периметр острова. Без веревок, без снаряжения упадут, разобьются в ущелье. А если сутки продержатся, к утру все равно засохнут.

Это было отчаянной правдой. Земляне уже засыхали, но

держались, не смели при девушке признаваться в физической слабости.

– А еще не ходила в пустыню, – повинилась Вио поспешно, как будто моля о прощении за нечаянную бестактность. – Что толку? В горячих песках сама умру без воды. А они, может быть, горемычные, до сих пор лежат меж барханами... – Маракаска больше не сдерживалась, толстогубый рот искривился, массивное тело инга затряслось в надрывных рыданиях.

– Да не может такого бывать! – затараторил Борька, стараясь горячими доводами утолить чужое отчаяние. – Чтобы шестеро звездoproходцев растерялись в новых условиях? Ха! Конечно живы-здоровы, но почему-то скрываются. Или их намеренно спрятали. Тут загадка!

– А я уверен, преступники злонамеренно нарушают свои условия, – сделал вывод Виктор Арсеньев. – Вы выполнили задание, обыскали все территории, «доступные для проникновения мурза, урза, злинга и инга». Значит, будем летать над горами, когда вы станете герой. И на всякий случай осмотрим пустыню на крайнем западе, возможно, там есть оазисы.

– Вы меня не оставите? Правда? – В глазах инга с новой энергией засияли огни надежды. – Когда я обходила пески... Я была в беспросветном отчаянии. Ни на что уже не рассчитывала, во встречу с детьми не верила, хоть падай и помирай! Вдруг слышу: «Дрынк! Дрынк!» и «Срынк! Срынк!»

Идет компания ингов, выкрикивает, приплясывает! У меня сердце встало, ну, думаю, начинаются галлюцинации. А они хохочут, бодаются, кричат: «Отплясывай с нами!» Я шепчу: «Кто пел эту песню?» – «Таракан с Чудесного озера!» Ой, простите!

– Да знаем мы, знаем, – замахали руками земляне. – Здесь все обзывают друг друга неприятными прозвищами.

– И я двинулась как слепая к маленьким островкам. И бурей меня хлестало, и ливнем весь день мочило, а я все иду, иду... Уже поняла: не наши, не могут мои товарищи до сих пор сохранять облик урза. Значит, новые на Мурзлингере, маракаски или земляне. Жалко новеньких, но поверьте, только с вами мое спасение!

– Только с вами наше спасение! – подхватил одобрительно Борька. – Вы знаете все премудрости, будете нашим сталкером!

– И даже ковром-самолетом! – улыбнулась сквозь слезы Вио. – Это тело уже состарилось, пора превращаться в геру. Но боюсь, когда вырастут перышки, я снова все позабуду.

– А мы вам напомним!

Виктор водил руко-шлангом по карте и уже намечал план поисков. Прирожденный лидер Арсеньев брал командование в свои руки, и Ретта с Борисом, привыкшие к космической дисциплине, без сомнений ему подчинялись.

– В экстремальных условиях следует действовать энергично, но при этом очень обдуманно. Наша цель – отыскать

две команды с «Галактического странника» и «Супермена», пока мы не сделались злингами. – И, пресекая возможные сомнения-недоумения, навеянные грустной исповедью, уверенно объявил: – Космолетчик не должен влачиться на поводу обстоятельств. Мы будем менять обстоятельства по своему усмотрению!

* * *

Он решился, доверил руку, другого выхода не было. Лице завета перебирает шприцы, бинты, лекарства, делая вид, как будто у нее отключились мозги. И глаза ослепли, не видят на упаковках аптек слова «Галактический странник». Звездолет во главе с Баром Реттом стартовал два года назад к кислородной планете Рубарики и скоро пропал с экранов контроля сверхдальних рейсов.

Вывод ясен: рабовладелец примитивной планеты связан с космическими пиратами. Обладателями сверхмощной, неизвестной науке техники, сминающей оборону кораблей Земли и Брутэлло.

У пиратов здесь близко база? Возможно, в этой скале. Пикарид поставляет бандитам провизию, а взамен получает опасные бластеры. И другие блестящие штучки. Например, мозгютер. Зачем? Он не знает, как им воспользоваться.

Герочка покрывает воспалённую рану мазью от всех известных инфекций, накладывает салфетки, накручивает бинты. Нарочито спокойно и медленно. Чтобы пальцы не задрожали. Чтобы взволнованный взгляд не задавал вопросов.

Почему он ищет айтишника? Разве команда «Галактического странника» не захвачена с кораблем?

А если нет... Люди живы?

И нашего «Супермена» заарканила шайка пиратов? Но Лиза не помнит боя.

Раз – и в птичке.

Но где, в таком случае, мама, папа, бабуля и Борька? Они живы?

Рядом, в скале?

Сохранили облик землян? Или сделались аборигенами?

Необходимо срочно обследовать все пещеры, все гроты, все переходы.

Необходимо узнать: где корабль? Как вызволить пленников? Как сбросить белые перья и снова стать человеком?

Чваки! Где чертовы чваки?

Если сказано – значит, сделано. Дело начали с отмыкания. Парни без лишней скромности занырнули в хрустальное озеро, а Вио зашла по колено и долго тянула воду. Сородичи инги сунулись посмеяться над «таракашками», но девушка рыкнула:

– Брысь! Это мои рабы! – и тихонько шепнула: «Простите! Я вынуждена...»

– Да ладно, – булькнул довольный Борька. – Маскировка – дело важнецкое. Надо будет – изобразим хоть холопов, хоть остолопов.

Как ни странно, сфинксы поверили. И заметно зауважали единственного из ингов, кто сумел покорить «букашек». Великаны уселись рядом и с любопытством посматривали, как состарившийся товарищ собирается в самое-самое последнее путешествие. Вио Ретта легла на живот, Виктор с Борисом бросили веревки через могучую, никогда не мытую спину. Привязали к концам ведерки с благодатной озерной влагой, с провизией и инструментами. Лодку девушка водрузила шапочкой на рога, «повелела рабам» взять весла и садиться к себе на спину. И маленькая компания в горделивом молчании двинулась в долину Последнего вздоха.

– Они уверены: вы умираете навсегда? И даже не провожают? Не скажут прощального слова? – недоумевал Борис.

– И нисколько не посочувствуют. Инги могут собраться в группы, чтоб отбить вторжение хищников или потрепать языками, но в основном здесь каждый – махровый индивидуалист. Чужая смерть не считается причиной для озабоченности. Среди этих ребят нет плакальщиков, похоронных дел мастеров.

– Иначе, они бы знали...

– Ну да, если б инги додумались о помощи старикам, они бы познали таинство перерождения в геру. Но великий закон Мурзлингера – отвержение метаморфоза – у каждого в подсознании и блюдется неукоснительно. В результате, сфинксы уходят в вынужденном одиночестве и, что самое горькое, часто, в самом деле, находят смерть. А теперь внимание: мы подходим к болоту Чваков.

Очень скоро, сочные травы преобразилась во влажную, местами вязкую почву, затоптанную ладонями и копытами стариков. Стояло безветрие. Дым курился удушливым смогом над тлеющими торфяниками, и земляне с болью разглядывали наполовину обугленные, обреченные деревца. На многих читались надписи: «Вио Ретта в облике инга...»

– Ого! Вы здесь уже хаживали? – удивленно спросил Борис.

– И не раз. Провожала ослабленных, защищала от нападений. Меня непонятным образом привлекают эти места, как будто именно здесь непременно встречу товарищей. В ледниках Коченелого холода, у гейзера Черных утопленников

или в пещерах Мертвых. Везде писала призывы, но ни разу друзья не ответили.

– Кошмарненькие названия.

– Я уверена: эту жуть придумала каста жрецов, чтобы трусоватые инги не совались до срока к предгорьям. А на самом деле, в пещерах происходят преобразования ингов в багряных геров. В ледниках на вершине горы, под действием холода – в белых. В гейзерах, вероятно благодаря веществам, растворенным в густой грязи – в черных. Каждый инг «перед смертью» внезапно обретает сакральное знание, куда ему следует двигаться.

Девушка замолчала. Вдруг – швырк! Что-то злобное, серое, прыгнуло из кустов, целясь пастью в огузок сфинкса! Но Борька не зря слыл лучшим бэттером в школьном бейсболе. Хрясь! Весло сработало битой, и мохнатый крыс полетел, смешно кувыркаясь в воздухе, на далекую мшистую кочку.

– Молодец! – одобрил Арсеньев.

– Началось, – расстроилась девушка. – Сейчас шмырг расскажет соратникам о вкусной здоровой пище, и сбежится целая стая. Укрепим позиции.

Вио выбрала деревцо с полужасохшей кроной, поднатужилась, потянула, немножечко покряхтела... и выдернула из торфа! Из открывшейся ямы вырвалось на свободу жаркое пламя, земляне отпрыгнули в сторону.

– Спокойствие!

Было видно, сноровистая маракаска повторяла это не раз.

Она провела промокшей со вчерашнего дня листвой над жадными язычками, не позволяя огню вгрызаться в тонкие ветки, и подожгла корявый, уже прокопченный корень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.